

АЛЕКСАНДР ШАПОЧКИН
АЛЕКСЕЙ ШИРОКОВ

ИГНИС
НАСЛЕДНИК
КЛАНА

Алексей Викторович Широков Александр Игоревич Шапочкин Наследник клана

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51829074
ISBN 978-5-17-116530-7*

Аннотация

Это жестокий мир городов-государств. Полисов, где чернь вынуждена томиться внизу, в вечных сумерках, а кланы живут в роскошных небоскрёбах. Где защитникам стен то и дело приходится отбивать нашествия диких духов, мутантов и прочей нечисти. Где электричество получают из пойманных элементарей, а любой у кого есть деньги может прикупить себе свиток с печатью чар, нанесённой профессиональным кудесником.

Здесь каждый день гибнут люди и не важно, разборки это банд или война чародейских кланов. Как выжить в этом мире сироте, случайно открывшем в себе необычный дар, да и тот ему не подчиняется, раз за разом принося неприятности. И главное, откуда у мальчишки со дна полиса взялись родовые особенности сразу двух древних кланов?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	58
Глава 4	86
Глава 5	119
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Александр Шапочкин, Алексей Широков Наследник клана

Глава 1

Бодро вышагивающая тройца остановилась в полутора метрах от моей койки. Прямо за спиной.

– Слышь, Белый, ночью с нами пойдёшь, – спустя пару секунд раздался уверенный – хриплый, но всё ещё молодой – голос. – Васильковские совсем страх потеряли, надо мозги вправить.

С ответом я не спешил. Неторопливо и аккуратно вытянул иголку и, оторвав нитку, отложил рубаху, которую старательно штопал, только после этого соизволил обернуться. Хотя и так знал, кто там.

Рябой с «шестёрками». Местный молодёжный бугор, вот только сегодня чуть более наглый, чем обычно. А это неспроста...

Два года назад эта тройца были первыми, кто решил показать испуганному «домашнему мальчику», только-только оказавшемуся в приюте, где его место, и кем именно видит его местный коллектив в своём составе. И они же первыми

огребли двумя увесистыми кусками слежавшегося в камень мыла, завёрнутого в полотенце на манер кистеня. Рассказов отца о его детстве в детдоме, а затем в кадетском корпусе я не забывал. Правда, до этого момента не думал, что придётся самому применять это светлое знание.

В общем, в тот день им сильно не повезло. Стандартная и давно отработанная схема подавления новичка дала сбой, жертва оказалась с зубами и вовсе не прочь была выместить всю боль от недавно случившейся трагедии на первых попавшихся под руку неудачниках. Другими словами, в тот день мне удалось отмахаться.

– Правда, что ли? А с какой это радости? – мазнув по визитёрам незаинтересованным взглядом, я отвернулся и принялся демонстративно собирать нитки с иголками. – Тебе надо – ты и дерись. Мне-то какой интерес?

За спиной послышался отчётливый скрип зубов, но попытки ударить меня или сделать ещё какую-нибудь глупость не последовало, так что и я не стал светить коротким арматурным прутом, аккуратно заткнутым между матрасом и стальным корпусом койки – прямо под рукой. Детдомовский бугор неторопливо обошёл кровать и, подтащив к себе стул, уселся напротив. «Шестёрки» замерли по бокам.

После первой попытки нового коллектива обрисовать своё видение моего будущего, была и вторая, где меня пинали уже толпой в десяток человек. Правда, отлежавшись с недельку, я, в свою очередь, устроил всем участникам гено-

цид, вылавливая их по одному и доказывая, что обильное домашнее питание вкупе с уроками отца-военного имеет значительное преимущество перед полуголодным существованием в детдоме.

Проще говоря, бил, пока могли стоять. Самое сложное было – управиться с как можно большим количеством переговорщиков, куда остальные не успели сбиться в стаю. Завершилось всё это ещё одной особо жестокой дракой, во время которой я в ярости разбил оконное стекло и, ухватив пару осколков, пообещал прирезать их, словно баранов. Покуда мне не поверили, успел полоснуть всё того же Рябого, и только тогда его свита, поняв, что шутки закончились, разбежалась.

Всё-таки мы были совсем ещё детьми! Пусть и озлобленными на весь белый свет.

В итоге я получил статус «отморозка», уважение местной шпаны и неделю в карцере, на воде и... ещё раз воде. Кормить хулигана и вандала никто не собирался, а жаловаться было, естественно, некому. Хорошо хоть дали порезы промыть и замотать обрывками моей же майки.

К чести подрезанного детдомовского авторитета, именно его шестёрки за время отсидки умудрились передать мне пяток варёных картофелин, так что от голода я не загнулся. А когда вышел, состоялась финальная тёрка, и у нас установился нейтралитет: меня не трогают – я не мучу воду и, если надо, поддерживаю Рябого. Это устраивало всех, и вот уже два

года у нас с ним не было конфликтов. Наоборот, несколько раз меня нанимали разобраться с потерявшими берега чужаками, когда самому бугру светиться было не с руки.

– Три пачки сахара, – Рябой, который, судя по взгляду и непродолжительному молчанию, считал, что в этот раз я могу подписаться и бесплатно, скрипнул зубами, но озвучил цену за помощь. – Полные, не столовские.

– Пять, – я постарался, чтобы голос звучал как можно безразличней: я тебе нужен – плати, а на нет и суда нет.

Участвовать в разборках «за просто так» я не собирался.

– Хорошо, пять, – к моему удивлению, бугор тут же согласился, хотя и поиграл желваками, изображая оскорблённую невинность. – Но кистень свой возмёмшь! И Сидор-Валяла твой. Постарайся его сразу вырубить.

– Лады, – я внутренне поморщился, но сохранил морду кирпичом. – Железо будет?

– И ножи, и пружинники, – Рябой подтвердил мои худшие опасения. – Васильковские хотят всю Нахаловку под себя подгрести. Горбатый Гош со своими сдриснул, зассал. Мы одни остались с этого конца. Что, Белый, очко сжалось?

Бугор глумливо заржал, и его тут же поддержали шестёрки. Я же, стараясь сохранять каменное выражение лица, взял порванную майку и, прокручивая в голове полученные новости, занялся её починкой. Ну не показывать же Рябому, что закончить рубаху я так и не успел.

Последнюю неделю я редко бывал на улице, предпочтя на-

лечь на учёбу. Если раньше мне помогали мамины уроки, сильно опережавшие школьную программу, то темы этого года мы с ней не разбирали. Не успели. Значит, следовало заняться этим самому, хотя бы в память о родителях.

Они тоже были детдомовскими, но выбрались с нижних уровней, став уважаемыми людьми. В общем-то, даже удивительно, что их сын вдруг был распределён именно в такое убогое заведение на самом дне Москвы. Когда случилась та трагедия, все знакомые отца и подружки матери вдруг куда-то подевались, таинственным образом исчезло завещание, оставив меня без наследства, а тот же кадетский корпус, куда меня вполне могли бы распределить как сына военного, даже не рассматривался комиссией как один из вариантов.

Со всем этими проблемами я, конечно же, намеревался разобраться... в будущем. А пока мне нужно было вылезти из той таганской клоаки, в которой я оказался, и повторить путь своих родителей из грязи в люди.

Однако... в нынешнем своём положении отказаться от драки я уже не мог – цену обговорили. Но главным фактором стало даже не это. Важно было не потерять заслуженный за два года авторитет! Вот что было страшно... После такого «падения» я мог просто не дожить до выпуска.

– Вот это, Рябой, не ко мне. Звиняй, но я не по этой теме. Интересуют задницы – иди в бардак на Большом Рогожском. Говорят, там как раз много любителей подобного, – я нарывался, но без ответа наезд оставлять было нельзя – ведь не

для того я зарабатывал репутацию, чтобы потерять всё после одной единственной фразы.

– Следи за базаром, – мне в лоб упёрся ствол пулевика – древнего, ещё однозарядного, но явно готового к стрельбе. – Ты, Белый, совсем берега попутал? Сдохнуть хочешь?

– Я, конечно, не фаталист, но все мы когда-нибудь умрём, – я пожал плечами, демонстративно не обращая внимания на оружие. – Вот ты меня завалишь, а тебя повесят. Васильковские получают Таганскую Нахаловку на блюдечке с голубой каёмочкой. Зато докажешь, что ты первая кочка на болоте! Ненадолго, правда. А можно было бы пойти и надавать этим козлам по щам, чтобы не лезли на нашу территорию.

Рябой постоял молча несколько секунд, не отводя ствол от моей головы, потом заржал и спрятал оружие. Следом сдавленно захихикли изрядно перетрухнувшие «шестёрки». Ну ещё бы, за владение боевыми пулевиками, пусть даже такими древними, как этот, виселица грозила не только хозяину, но и всем, кто знал, но не донёс. А значит, они были первыми кандидатами на встречу с «Одноногой вдовой», хотя, судя по реакции, только что впервые увидели «пуляло». Но полицейские церемониться не будут – чай мы не гильдийские или, хлеще того, клановые. Тем хоть пушку таскай, никто слова не скажет. Смысл, если каждый клановый чародей – оружие сам по себе?

– После отбоя выдвигаемся, – бугор посчитал конфликт

исчерпанным. – Со мной пойдёшь – попробуем Васильковских на поединок развести. Если поведутся – постарайся Валялу как-нибудь покрасивше уложить. Чтобы струхнули.

Я кивнул, ничего не отвечая. А чего болтать – и так всё ясно. Репутация, позволившая вполне сносно устроиться в детдоме, сейчас сыграла против меня. Придётся хлестаться с Сидором на потеху толпе, но это полбеды. В рукопашную мы уже сходились пару раз за последний месяц... Противником семнадцатилетний детина без следа интеллекта на лице был неудобным – за счёт дурной силы и невероятной выносливости, – но не бессмертным. К тому же с кистенём, думаю, можно закончить всё быстро. Это оружие, хотя и весьма простое, требовало известной сноровки, поэтому мало кто из пацанов умел им пользоваться. Уж слишком легко можно было вместо врага зарядить себе в лоб.

Идея подмять нашу Нахаловку возникала регулярно. Таганский жилой район нижнего уровня Москвы изобилывал мелкими магазинчиками, тут имелся даже рынок, куда крестьяне с окрестных хозяйств свозили продукты. Плюс складская зона Таганского вокзала неподалёку. Лакомый кусок для любой банды, особенно с учётом того, что полиция предпочитала сюда не лезть.

Им по большому счёту было плевать, кто и как контролирует область, лишь бы мзду вовремя отстёгивали. Для нас же потерять Нахалку – означало лишиться хоть какого-то дополнительного дохода, а, значит, жить впроголодь на скуд-

ных детдомовских харчах. Лично меня подобное категорически не устраивало. Слишком большие у меня были планы на будущее, чтобы похерить их из-за банального недоедания.

До отбоя оставалось не так уж много времени, а надо было ещё достать молотило из тайника и все проверить, чтобы оружие не подвело в самый важный момент. Нычка была в туалете, под подоконником. Чтобы снять каменную плиту, требовалось немало сил, так что из местных сделать это могли только я да ещё, наверное, пара человек. Хотя это скорее была защита от дурака, чем непреодолимое препятствие, многие если и не знали, то догадывались, что там лежит. И что с ними будет, если тронут мои вещи. А вот от случайных «посетителей» тайник оберегал идеально.

Кистень у меня был необычным. Вместо цепи, крепящей било к рукояти, там стояла длинная пружина. Получалось нечто среднее между моргенштерном и палицей, весьма инерционное оружие, которым можно здорово приложить любого. И при должной практике обойти всякую защиту. При этом молотило оказывалось небесполезным и в обороне. Главное было: всегда помнить, что пружина изгибается после любого движения, и планировать на два-три хода вперёд. Из наших таким пользовался только я, а вот у старшаков во взрослых бандах умельцев хватало.

Оружие оказалось на месте – завёрнутое в промасленную тряпку, чтобы не заржавело. Пружину мне повезло достать очень хорошую – из чародейского металла. Такие ставили на

дорогие мобили. . . Вот ведь беда – какие-то сволочи полгода назад разобрали «Стрижа-41» сына заведующей детдомом. Правда, тот сам врезался на нём в столб перед нашими воротами, потому как был под ханкой и ничего не соображал, а когда на место прибыли механики, оказалось, что части деталей уже не хватает.

Именно так у меня и появилось мощное оружие, сразу поднявшее мне статус. Без него Рябой вряд ли подошёл бы сегодня сам. Прислал бы кого из «шестёрок».

Я сделал пару пробных махов. Воздух гудел, рассекаемый билом, рукоять из бересты удобно лежала в ладони, и не думая скользить. За неё я заплатил две банки тушёнки, что по нашим меркам было весьма дорого. Но оно того стоило.

Теперь приходилось тратить гораздо меньше усилий, чтобы удерживать молотило, к тому же рукоять не скользила в ладони, даже если на неё попадала вода, пот или кровь. Боёк в форме шара, в отличие от моргенштерна, не имел шипов. И так размахивать чем-то подобным было весьма опасно, а лишние трупы мне не нужны, хотя в Нахаловке к чужой жизни относились весьма наплевательски. Впрочем, лично я, несмотря на репутацию отморозка, не стремился убивать направо и налево. Но, возможно, сегодня это изменится.

На ужин я не пошёл. Не стоит нажираться перед дракой, да и лёгкий голод придаёт злости, а, если победим, Рябой по любому выкатит поляну. Того же мнения придерживались и остальные, тоже оставшись в комнате. Воспитателям всё

равно плевать – меньше продуктов переведём, а что не съели сегодня – подадут завтра, даже если оно покроется плесенью.

В девять прозвучал сигнал к отбою, погасили свет, а через полчаса началось шепуршение, и народ потихоньку стал выбираться на улицу. Со сторожем было давно всё обговорено, такса за ночную вылазку составляла ровно полтину, но сегодня в любом случае платил Рябой. Или не платил, судя по кривой роже Петровича, и без того не отличавшейся красотой, а сейчас сморщенной так, будто его заставили жевать собственные портянки.

По мере продвижения к площади, где днём располагался рынок, к нашей толпе подтягивались всё новые и новые бойцы из местных. Рябой за прошедшие с момента нашего знакомства два года сумел выбиться из бугров детдома в юные авторитеты конца Нахаловки. Ему же подчинялись все беспризорники или просто шпана, обитавшая в округе. После выпуска тёплое место в банде ему было обеспечено, а пока старшаки приглядывали за мелкими, не препятствуя разборкам, подобным сегодняшним. Выживает сильнейший – на нижних ярусах Москвы этот закон соблюдался беспрекословно.

Улицы были пустыми и тёмными, тратить деньги на освещение городские власти не собирались, однако на площади горели старые масляные фонари. Уж не знаю, кто подсуетился, но, думаю, это были старшаки. Для них потасовки молодых – словно собачьи бои. Впрочем, иллюминация была,

скорее, для зрителей – нам для махача и света с верхних ярусов достаточно. И, судя по тёмным, но не закрытым ставнями окнам вторых и третьих этажей, скорее всего, я был прав.

С одной стороны, плевать, но, с другой – там, где замешаны ставки, а без этого вряд ли обошлось, всегда возможны неприятные сюрпризы. Пулевик Рябого явно из таких. По-другому достать боевое оружие, а главное, зарядить его энергией, шпанёнок из Нахаловки попросту не мог. А если козырь есть у одного, почему не может быть у другого?

Тем временем наша толпа вывалила на площадь и замерла. С противоположной стороны застыла человеческая масса банды Васильковских. На первый взгляд, их было ничуть не меньше, а в руках виднелась арматура и цепи. Месилово обещало быть знатным и кровавым.

Чувствую, с сахаром я таки продешевил. Нужно было заламывать цену посущественнее, но сейчас уже не переиграешь. Тупо не поймут. Опять же, репутация – всё-таки сегодня я выступал в свите Рябого.

Поправив куски фанеры, примотанной эластичным бинтом к груди и животу, я застегнул куртку. В ней было не слишком удобно, но хоть какая-то защита. Тем временем бугор выперся на середину площади, а ему навстречу вальяжной походкой вышел авторитет Васильковских – Шрам.

Чего там главари тёрли, меня не интересовало. Я крутил руками и ногами, разрабатывая суставы и разогреваясь. Фигура Сидора-Валялы возвышалась над толпой противников.

Я даже мог разглядеть его оружие – металлический прут, а скорее, лом, плюс крышка от мусорного бака. Эдакий рыцарь «без страха, упрёка и мозга».

«Хм-м! А про меня что можно сказать? – я поёжился. – Слабоумие и отвага? Наверное, как-то так...»

Глупо было его не бояться, но это не означало, что я застремаюсь выйти на поединок. К тому же, в отличие от этого детины, я шёл не сражаться, а побеждать. Отец всегда учил меня достигать цели самыми короткими путями, и неважно, решение задач это или драка. Он был солдатом-наёмником в бесконечных клановых войнах и каждый раз повторял, что на фронте нет места расшаркиваниям и красивым жестам.

Можешь ударить в спину – бей. Если есть, чем засыпать глаза противнику, – сделай это. Ударь внезапно, пока враг не готов, и победишь, а главное – выживешь. Поэтому в результате я не сомневался, скорее, опасался, что меня, уже после, затопчет толпа, стремящаяся добраться друг до друга.

Тем временем бугры закончили разговор и разошлись. Рябой махнул мне, мол, выходи, но я, хоть и шагнул вперёд, дальше двигаться не торопился. Сидор тупой, но опасный противник. Славящийся прежде всего отмороженностью, а только потом уже звериной силой и ловкостью. Махаться с ним честно – значит заранее проиграть. А это в мои планы не входило. Зато можно немного схитрить... а заодно показать шоу и раззадорить публику. Раз мы тут боевые псы, то устроим представление.

Валяла уже вышел на середину и невнятно ревел, долбя ломом в щит. Вслед за ним и остальные васильковские принялись бросать оскорбления, обвиняя меня в трусости. Наши пока что молчали, но тут нужно точно знать меру, чтобы не пошли возмущённые шепотки. Однако я все равно не двигался с места.

Даже не прореагировал на тихое злобное рычание Рябого. Тот решил, что я дал заднюю, и сейчас страдал разными карами. Однако мне было плевать! Не ему сейчас, может быть, помирать. Сидор был не только по-звериному силён, но ещё и нечеловечески жесток и яростен в драке. Долго он не сможет сдерживать себя. И точно, стоило мне не спеша направиться к центру площади, тот, особо громко взревев, ринулся на меня, занося лом для удара. Именно этого я и ждал.

И рванул ему навстречу, на ходу раскручивая молотило. А когда между нами осталось не более двух метров, резко ушёл вниз, заваливаясь на бедро, и по инерции заскользил по осенней грязи и рыночным отбросам, пропуская над собой свистнувшую в воздухе арматуру. Сам же от души заехал билом по колену бугая. Тот завопил и завалился, покотившись по брусчатке. А я в это время уже вскакивал на ноги.

Получи, сука! Азарт и ярость кипели в крови. Ходило много слухов об изувеченных Валялой девчонках, а уж искалеченных парней с переломанными позвоночниками я видел сам, своими глазами. Васильковские каждый день вывозили их к церкви, заставляя побираться. Но сегодня у меня был

шанс отплатить этому уроду за всё. Рыкнув от переполнявших меня чувств, я кинулся к пытающемуся подняться Сидору... и едва ушёл от тычка заточенным концом лома, едва не нанизавшись на него, словно бабочка на булавку. Вот тварь, он уже оправился и, хотя не мог встать, продолжил сражаться. Да ещё неизвестно, сломал ли я чего. Слишком здоровый противник мне попался.

Или... или его банально накачали наркотой, и он просто не чувствует боли.

Делать нечего, оставалось крутиться вокруг васильковского бугая на предельной дистанции, время от времени пробуя прорваться к телу, чтобы нанести удар. И раз за разом наткаться на свистящий в воздухе лом. Несмотря на вес оружия и травму, Валяла даже не выказывал признаков усталости, что ещё больше утвердило меня в мысли, что Сидор под дурью. Но всё равно! Блин, и это ему всего семнадцать! Что же будет, когда он вырастет?! Если вырастет. Моя задача – не дать этому случиться.

На очередном проходе по кругу Валяла показал, что он, может, и тупой, но хитрый. Как только я сунулся спровоцировать его на удар, бугай метнул свой импровизированный щит, целясь в ноги, и тут же перекатился, оказавшись от меня на расстоянии вытянутой руки.

От первого замаха я увернулся лишь чудом, едва успев среагировать и рухнув пластом на спину. Перекатом ушёл от второго, попавшего туда, где я лежал мгновением ранее, – и

тут же кувыркнулся назад, заодно подхватив с земли гнилой помидор. Каким бы ты ни был сильным, но удар со всей дури железной палкой по камню бесследно не проходит. Пусть на мгновенье, но кисть «отсыхает», перестаёт слушаться. Именно этих секунд мне и хватило.

Первым делом в переносицу Сидора врезался мягкий расползающийся томат, надёжно залепив оба глаза. А затем уже я, взвившись в высоком прыжке и пропустив под собой широкий мах ломом, вопя от страха, восторга и ярости, рухнул на Валялу, изо всех сил треснув его битком по голове.

– На! – рыкнул я на выдохе.

Звук удара разошёлся по всей площади, но васильковский поединщик и не думал падать. Казалось, он даже ничего не почувствовал, наркоман проклятый. Но и я останавливаться не собирался. Подбадривая себя первобытным боевым воплем, я продолжал долбить бугая по голове до тех пор, пока после одного из ударов из ушей у того не хлынула кровь. Я, тяжело дыша, отступил, пятясь назад, а тело захрипевшего Сидора рухнуло в грязь. Даже умирая, он не выпустил лом из рук, но это ему не помогло.

Смерть одного из противников послужила стартом всеобщей свалки. Мимо меня промчалась толпа вооружённых подростков, чтобы сцепиться с точно такими же, только с другой стороны района. Взлетала и падала арматура, свистели цепи, кто-то истошно кричал, забиваемый ногами.

Я, оглушённый своим первым в жизни убийством челове-

ка, вдруг очутился в эпицентре событий. И, как оказалось, лучшее лекарство от душевной терзаний – это старый добрый удар в морду. Рауш-наркоз, мать его за ногу!

Отхватив сего живительного средства, я вдруг встряхнулся, собрался и сам врубился в толпу, щедро отвешивая тумаки молотилом. В полумраке сложно было отличить, где кто, потому ориентировался я в основном на то, совпадает ли направление морды лица с моим. Если да – проходил мимо, если нет – отвешивал пару затрещин. Обычно этого хватало, чтобы человек потерялся и прилёг отдохнуть.

Добраться до Рябого оказалось непросто. Статус бугра не позволял отсидеться позади, вынуждая возглавить атаку, и теперь детдомовский авторитет рубился в самом центре драки. Его, конечно, прикрывали с боков «шестёрки», да и другие наши бойцы старались помочь, но и противостоящий им Шрам имел точно такую же группу поддержки.

В итоге я плюнул на попытку пробиться именно в центр, а пошёл по кругу, помогая своим и разгоняя или вырубая чужих. Молотило свистело, глухо сталкиваясь с телами пацанов. В голову я старался не бить, метя по конечностям или в живот. Хватит мне одного трупа, пусть тот и заслужил смерть.

И мы явно начали побеждать. Моральный дух Васильковских сильно просел после поражения Сидора, считавшегося непобедимым, а тут я ещё навёл шороху на флангах, где бойцы и так не отличались смелостью, предпочитая скорее изоб-

ражать драку, чем реально рубиться. А увидев меня, бросали оружие и пытались сбежать. Естественно, при таких раскладах оставалось добить самых упорных, что окружили своего бугра, и дело сделано, но... не зря я ждал какой-нибудь подянки.

Уж не знаю, повезло мне увидеть то, что произошло, или наоборот, но в какой-то момент меня словно дёрнуло что-то, заставив вскинуть голову. И картина происходящего надолго отпечаталась в памяти, словно кадры из кинофильма.

Вот Шрам, оставшийся едва ли с десятком бойцов, с перекошенной мордой достаёт из-за пазухи страницу с чародейской печатью. Рябой выхватывает пулевик, свинцовый шарик пробивает край листа и вонзается в грудь бугру васильковских. А затем тот рвёт бумагу, выпуская чары – и на площади начинает бушевать ледяной вихрь.

Толпа, в основном состоящая из наших, не успевает среагировать, застывая причудливыми скульптурами, в которых сложно различить, кто кем был раньше. Чарам всё равно кого убивать.

Очнулся я, когда поток ледяного воздуха дошёл до меня. Стало невозможно дышать, а сердце словно сжали тиски, выдавливая последние крохи тепла. Казалось, оно билось всё тише и тише и в какой-то момент остановилось совсем, но именно тогда я понял – хрен вам. Волна обжигающей злости поднялась откуда-то из глубин души, смывая и сметая любые преграды.

Не для того, суки, я два года рубился и резался с каждым, кто пытался прогнуть меня под себя, чтобы сдохнуть вот так, словно крыса в холодильнике. Не для того чах над учебниками, отобранными на верхних ярусах, в надежде рано или поздно выбраться из этой дыры. Нихрена у вас не выйдет! Я выживу всем назло! Холод отступил, отхлынул, но и силы меня покинули – я рухнул, где стоял. Последнее, что запомнилось, – это чей-то крик: «Этот живой! Грузим!»

* * *

Лязг замка прозвучал внезапно, словно гром грянул среди ясного неба. В ледяном гробе карцера казалось, что время замёрзло вместе с остальным миром снаружи. В попытках сохранить хоть каплю тепла я, обхватив колени руками, сидел в углу, подальше от центра, где скопилась небольшая лужа. Поначалу меня притащили сюда без сознания и сразу облили водой (как и всю камеру) под предлогом чистки. А на улице уже стояла осень, и вскоре тут образовался ледяной ад. Собственно, холод и привёл меня в чувство, но уже довольно скоро пришлось удерживать себя в сознании, чтобы не заснуть, потому как понимал – не проснусь. И мне показалось, именно этого конвой и добивался.

– Встать! Встать, пёсий выродок! – грубый голос наполнил карцер. – Ах ты, тварь, бунтовать будешь?!

Вот уж чего я точно не собирался делать. Просто сил не

осталось не то что подняться, а даже сказать об этом. И когда кто-то ухватил меня за ворот, вздёргивая в воздух, я не сразу сумел расцепить руки, чтобы выпрямить ноги. Так и висел мешком, чувствуя, как рвётся ткань рубахи. Конвойный сплюнул и бросил меня на место. Но я уже практически сумел выпрямиться. Опершись на стену и помогая себе руками, потихоньку встал, щурясь на свет после абсолютной темноты.

– Чего застыл? На выход! К стене! – рык конвоира бил по ушам, но лучше так, чем дубинкой по почкам.

Превозмогая себя и заставляя ноги двигаться, я, всё равно шаркая по полу, поплёлся на свет. Вывалился в коридор и остановился, лишь уткнувшись головой в стену. Надо было ещё поднять руки, но на это сил уже не хватило. Хорошо ещё, что, как бы конвой ни рычал, он, похоже, понимал, что добиться большего от меня сейчас будет нереально. Да и сделать я ничего не смогу, разве что на пол брякнуться.

Загремела запираемая дверь. А затем мне несильно ткнули в спину палкой.

– Повернуться! Вперёд!

С сожалением отпустив такую тёплую стену, я поплёлся по коридору, поначалу подгоняемый тычками. Слабенькими, но и они едва не валили меня с ног. Судя по всему, возиться со мной никому не хотелось, так что даже они быстро прекратились. Мыслей о том, куда меня ведут, не было. Хоть на казнь – настолько я устал за прошедшую неделю. По-

стоянные допросы, разборки с сокамерниками (словно сговорившимися доставать именно меня, из-за чего мне ни разу не удалось выспаться, зато довелось поучаствовать в трёх драках), вечный голод (ибо кормили такими помоями, что и свинья жрать не станет), и в довершение – избивание следователем и конвойными, а потом карцер с вечно влажными стенами и лужей на полу. Это при том, что на узких окнах, выходящих во двор, не было стёкол, а на улице октябрь-месяц.

Однако далеко идти не пришлось. Мы вышли из крыла с камерами, и опять последовала команда «к стене!» Значит, снова будет допрос. Рябой, являясь не только бугром детдомовских, но и знатоком как воровских, так и уголовных законов, рассказывал, что как малолеток нас не имеют права допрашивать без адвоката. Может, оно и так, но когда я заикнулся, что не буду говорить без защитника, конвой по знаку следователя впервые меня отпинал. За неделю я так никого и не увидел, и уже не надеялся на это. Разве что чудо случится. Скорей всего, сейчас опять всё пойдет по новой. Но, хотя пару секунд назад мне было всё равно, сейчас я твердо решил: если даже поведут на казнь, подписывать ничего не стану. Им надо, они пусть и выкручиваются.

– Заходи! – последовала команда, и на этот раз, несмотря на то, что я замешкался, меня не зашвырнули внутрь, а довольно аккуратно завели, взяв за плечо. – Задержанный Каменский Антон доставлен!

Трое мужчин, находившихся в комнате для допросов, по-

вернули головы.

– Почему без наручников?! Вы что себе позволяете, сержант?! – маленький, лысый и толстый человечек, обряженный в мундир следователя третьего ранга, брызгал слюной, обжигая меня ненавидящим взглядом.

– Так это, ваше благородие, чего он сделает-то после суток в ка... – конвойный стушевался, не зная как объяснить свой промах.

– Молчать!!! Приковать подозреваемого и пшёл вон! – похожий на колобка мужчина покраснел с натуги.

– Ну-ну, Пётр Алексеевич, голубчик, не стоит. Парнишка и так еле стоит, – в разговор вмешался один из двух одетых в цивильные костюмы господ – тот, что постарше, с благородной сединой в тёмно-синих волосах. – Да и не будет он буяннить, правда, Антон? Свободен, сержант.

Конвойный довольно громко выдохнул и выскочил за дверь, прикрыв ту за собой. Я тоже решил пока не качать права, тем более, до этого меня действительно водили по коридорам в наручниках. Кроме того, сама ситуация была весьма странной. Хотя меня всё ещё мутило после карцера, я сумел разглядеть, что скотина-следователь, допрашивавший меня всю неделю, заметно волнуется и постоянно протирает лысину и шею платком, но всё равно пот с него течёт ручьём, а ведь в комнате довольно прохладно. Мне-то было даже жарко, но раньше, за несколько часов допроса, я замерзал так, что зуб на зуб не попадал. Господа в штатском, на-

против, вели себя совершенно спокойно, рассматривая меня с интересом натуралистов, обнаруживших, что у обычной вrede бы козявки появилась дополнительная пара усов.

– Проходи, садись, – седовласый указал на обычный стул у стола, совсем не тот, привинченный к полу, к которому обычно приковывали заключённых. – Не стесняйся, Пётр Алексеевич кусаться не будет.

– А вы? – вrede и надо было промолчать, однако натура взяла верх, прорвавшись ехидным комментарием, но на предложенное место я всё же сел.

– Мы тоже не будем, если пообещаешь отвечать честно. И это важно прежде всего для тебя, а не для нас, – в разговор вступил второй «штатский», хотя, как по мне, мундирами от них несло за версту. – Э, друг, да ты, я смотрю, совсем продрог, эва как тебя колотит. А ну мы сейчас чайку горячего хлебнём, как думаешь? Сержант!

Мой ответ ему, видимо, не требовался. Да и вряд ли я бы нашёл в себе силы отказаться даже от кружки простого кипятка. А уж чай, да ещё вдруг (чем чёрт не шутит) сладкий – так это просто предел мечтаний. А трясло меня действительно сильно. В тепле руки и ноги начали отогреваться, и по ним побежала кровь, заставляя меня шипеть от боли. Было полное ощущение, что под кожей ползает полсотни ежей. Я стиснул зубы, чтобы не заорать, и постарался как можно незаметней растереть хотя бы руки. За такое можно было получить в морду от конвоя, но, на удивление, «пиджаки», хо-

тя и явно заметили мою возню, не сказали ни слова против, а молодой ещё и подмигнул. Ну да, ему-то, судя по алому оттенку волос, холод был нестрашен. Чародей стихии огня как-никак. Тогда старый, судя по всему, – воды.

Вряд ли они принадлежат к клану, но бесхозными чародеи не бывают. Значит, точно какие-то спецслужбы. Неужели следак, гнида, не сумев дожать меня сам, сдал в тайный приказ? Только чего он тогда сам трясётся, словно это за ним пришли, а не за мной? Непонятно. Ладно, буду говорить всё то же, что и в прошлый раз, тем более, что это чистая правда. На мне вины нет. Дрался, да, все дрались, но чары не мои, и где взяли их, не знаю.

Скрипнула дверь, и в комнату ввалились сразу два полицейских. Давешний сержант держал на вытянутых руках пышущий жаром самовар, а такой же мордатый рядовой – поднос со стаканами в подстаканниках. И сахарницу, полную рафинада! За два года я уже почти забыл его вкус – сиротам полагалось жить впроголодь и за каждый кусок благодарить. Хотя... Рябой говорил, что денег за нас платят прилично. Но всё это оседает у директрисы. Не задаром же её сынок за последние полгода уже второй мобиль берёт. Да не какой-нибудь, а «Молнию» последней модели, кабриолет.

Жестом отослав конвой, младший из «штатских» сам разлил чай в три стакана. В один бросил два кусочка сахара, потом оглянулся на меня и добавил ещё четыре. И всё это богатство с маленькой серебряной ложечкой поставил пере-

до мной. От запаха закружилась голова. Явно заваривали с какими-то травами – я смог опознать только душичку.

Хотелось хлебать этот нектар, несмотря на риск обжечься, но я пересилил себя. Степенно кивнув в знак благодарности и получив ответ в виде усмешки, я тщательно размешал сахар, затем поднял стакан, держа двумя руками, и сделал первый маленький глоток. По горлу прокатилась волна лавы, тут же разошедшаяся по телу. Удивительно, но я ничего себе не обжёг. Следующий глоток был уже гораздо больше и смелее, и я почувствовал, как жизнь возвращается в моё измученное тело, а голова проясняется.

– Как я и думал. Странно, конечно, но, может, «Пепел», – младший вопросительно взглянул на седого – тот пожал плечами, дескать, может быть. – Вы правы, это не наши проблемы. А ваши, Пётр Алексеевич. Это причина, по которой несовершеннолетний гражданин великого княжества Московского больше суток провёл в спецкарцере.

От внезапного обращения к нему, к тому же высказанного голосом, в котором явно слышался металл, следователя аж подбросило. Я только сейчас сообразил, что ему чая никто не предложил, хотя на подносе остался пустой стакан. Да и вообще, эти двое вели себя так, словно это «колобок» был подозреваемым, а я тут чисто мимо проходил. Сейчас, прояснившись после горячего питья разумом я чётко различал эти нюансы, и они меня, если честно, пугали. Не припомню за собой или своей семьёй чего-то такого, что могло заинте-

ресовать сильных мира сего.

Разве что цвет моих волос: вечно растрёпанные, платиновые патлы были одновременно моей тайной гордостью и проклятием. Но хотя необычный колер чаще всего означал, что человек – чародей или хотя бы кудесник, в моём случае природа дала осечку. С трёх лет меня таскали по всевозможным больницам и лечебницам, но так ничего найти и не смогли – у меня просто не оказалось центра силы. А то, что родители были тёмно-русыми, списали на редкое сочетание генов. Будь я красноглазым – дело бы обстояло проще. Альбинос, и всё тут. Но я взирал на мир зенками ярко-зелёного цвета. Но в итоге родители отступили, приняв горькую правду: я был самым обычным ребёнком. Когда-то, когда у меня были родители...

– Так это... бунт... то есть неповиновение оказал, на меня кинулся, вот... – голос следователя дрожал и истончался, а под конец мужик попытался что-то показать на шее, но не смог трясущимися руками расстегнуть пуговицу воротника. – Злостный нарушитель, в камере буянил, вот. Я и так с ним по доброму...

– И всё это отражено в рапортах? – пожилой «пиджак» взял со стола дело, смерив насмешливым взглядом «колобка», дёрнувшегося было его перехватить, и принялся листать. – Х-м-м. Странно, почему-то я не вижу вообще ни одного протокола допроса. Позвольте полюбопытствовать, любезный, а чем вы собственно, эту неделю занимались?

– Эм-у...

– Ну как чем, Лев Евгеньевич, пытался выбить чистосердечное признание в убийстве, – молодой зашёл следовательно за спину и хлопнул того по плечам. – Правда ведь, Пётр-свет-Ляксеич? Зачем работать, опрашивать свидетелей, искать улики, когда вот он, злодей.

Следак попытался вскочить, но придавленный сильными руками, брякнулся назад. Взгляд его метался от одного «штатского» к другому, но при этом я вдруг понял, что он не так уж и испуган. Скорее, пытается изобразить ужас и раскаянье, надеясь на снисхождение. И точно, якобы справившись с волнением, «колобок» жалобно заблеял:

– Так ведь, милостивые государи мои, разбойников полна Москва. Не справляемся, на взрослых-то рук не хватает, а тут ещё эти малолетки, – он продемонстрировал свои пухлые ладошки, явно никогда не знавшие физического труда, но тут же спрятал их под скептическим взглядом «пиджаков». – Да и ясно с ним всё было. Взяли посреди площади, набитой замороженными трупами. Явно боевые чары, а он молчит как рыба. Что мне с ним было делать? Цацкаться с бандитом?! Может, прикажете им кофий со сливками с утра подавать и на променады в парк водить?

– Действительно, гораздо проще повесить на единственного выжившего незаконное распространение и использование боевых чар и закрыть дело разом. Особенно когда такое развитие устраивает всех, и от братвы будет благодарность, –

седой скривился, показывая своё отношение к подобному. – А то, что при этом лишаете родину перспективного чародея, вы не подумали?

– А может, не захотели подумать? – подключился молодой «пиджак». – И это уже пахнет изменой...

– В-а... м-а... – «колобок» разевал рот, не в силах выдавить ни слова, словно рыба, выброшенная на берег, и я его понимал. Он-то всего лишь хотел быстро закрыть дело, получив премию за поимку особо опасного преступника, а таким считался любой незаконно использующий боевые чары, а вместо этого получил подозрение в предательстве. Но жалко следака мне не было. Сам виноват, что повёлся на деньги старшаков, решивших прикрыть мной свои задницы. Сейчас меня волновало лишь одно слово, брошенное старшим из «штатских».

Я одарённый? То есть как минимум кудесник, а если повезёт, то и чародей? Вспоминая горячую волну, пронесшуюся по телу и заставившую отступить холод, я верил и в то же время боялся, что мне это просто показалось. А главное, думал, что будет дальше? Мне раньше не доводилось слышать о том, что кто-то прошёл инициацию после десяти лет. Обычный же дар проявлялся в пять-семь. Молодые одарённые из простонародья обучались в спецшколах с самого детства. А мне-то что теперь делать?

Видимо, эти вопросы большими буквами проступили на моём лице, потому что Лев Евгеньевич вдруг перестал запу-

гивать «следака», перейдя на жёсткий требовательный тон:

– Значит, так. Сегодня к вечеру вы подадите рапорт об увольнении по собственному желанию. А до этого составите отчёт, где подробно распишете, кто и когда обращался к вам по инциденту в Нахаловке. И учтите, если ответы меня не устроят, или же мне хотя бы покажется, что вы утаили какие-то факты, в следующий раз мы встретимся на вашей казни, – седой повернулся ко мне и его голос значительно смягчился: – А ты, Антон, не переживай. С этого момента ты учащийся спецшколы номер один – лучшей у нас в стране. Обычно туда попадают лишь самые одарённые из диких либо же изверги из кланов и гильдий, да и то далеко не все. Ты же у нас феномен, поэтому тебя будут не только учить, но и исследовать. Не бойся, ничего опасного, просто проведут пару-тройку тестов.

Глава 2

Несмотря на мои подозрения, что всё происходящее – лишь спектакль, разыгранный с целью втереться ко мне в доверие, «штатские» не спешили с насквозь фальшивыми улыбками задавать мне какие бы то ни было вопросы. А ведь я уже морально приготовился услышать нечто вроде: «Ну, вот видишь, парень! Мы наказали этого плохого дядьку... Так что мы теперь друзья. А раз мы друзья, то давай-ка ты нам чисто по-дружески расскажешь, что же там на самом деле произошло?»

Ан, нет! То ли я чего-то там неправильно понимал в этой жизни, то ли эти двое оказались куда хитрее, нежели я. Закончив стращать следака, «пиджаки» споро собрали моё дело, не оставив хозяину кабинета ни единого листочка, и, даже не вызывая конвой, велели следовать за ними.

Как оказалось, на выход из тюрьмы, предъявив на охране какую-то бумагу, снявшую все вопросы о том, что здесь делает «подозреваемый» без наручников и вооружённого сопровождения. Ну, идёт заключённый на волю, тем более не один. Значит, так надо!

Однако сюрпризы на этом не закончились. На тюремной стоянке нас ждал не дешёвый «дымовик» или банальный «мобиль», а самый настоящий «летун»! Первый подобного рода аппарат, который я видел так близко. Простым смерт-

ным такая роскошь просто не полагалась, так что заметить «летун» можно было разве что проносящимся высоко над головой, да и то, если перекрытия городских ярусов оставляли хотя бы кусочек открытого неба. В нашей Нахаловке, например, таких мест было очень и очень мало.

Сейчас же он стоял передо мной – великолепный в своей хищной красоте, похожий, несмотря на название, скорее, на стремительную рыбу, нежели на птицу. Это впечатление усиливали плавные обводы корпуса и решётчатый воздухозаборник, расположенный в нижней части «морды», прямо под узкими глазами-фарами. Казалось, сейчас он изогнётся всем телом-фюзеляжем и скользнёт вперёд, атакуя зазевавшуюся добычу, в роли которой вполне мог выступить... например, примостившийся неподалёку пузатенький полицейский паровик для перевозки заключённых.

– Нравится? – младший из «пиджаков», имени которого я так и не узнал, ласково провёл ладонью по изгибу крыши. – «Сапсан-412»! Три гнезда под печати, максимальная скорость до двухсот пятидесяти километров в час. Режим высотной левитации, композитный воздушно-пустотный щит. Эта птичка способна подниматься на высоту в полторы тысячи метров над землёй, а по маневренности превосходит все известные аналоги!

«Всё-таки птичка...» – почему-то подумалось мне, в то время как я слушал мужчину, с гордостью нахваливающего свою машину.

И, надо сказать, я прекрасно понимал восхищение, так и сквозившее в его голосе. У меня самого дыхание перехватило только от вида летуна, а что же тогда должен был чувствовать его пилот?! Пусть это был гражданский образец, но даже такие аппараты доступны только очень высоким шишкам, вроде глав старших ветвей кланов, гильдейских мастеров или приближённых самого Князя.

Хорошо, наверное, не зависеть от забитых и пыльных улиц! Парить себе в воздухе, словно птица, или же, наоборот, с огромной скоростью нестись по небесам, пронзая облака... разве это не счастье?

– Ну что ты застыл, залезай давай! – Лев Евгеньевич, коротко усмехнувшись, открыл дверь и указал мне на заднее сиденье. – Посмотрел, теперь прокатишься.

– Эм-м... – я глянул на старшего. – А вы что, всех заключённых вот так вот с ветерком на новые места отсидки развозите?

– Не всех, – в свою очередь ухмыльнулся «молодой». – Но для тебя сделаем исключение. Тем более что твоё новое «место отсидки», как ты выразился, – очень неплохая школа-интернат. Вот только расположена она вовсе не в твоей бывшей Таганской Нахаловке, так что путь нам предстоит неблизкий. Слышал, может быть, о Тимирязевской Академии?

– Мама рассказывала легенды о Святогоре Тимирязеве, Ярославе Юшкине и Еремее Пожарском. Ну... про то как они объединили враждующие кланы и заложили наш полис

на пепелище сожжённой пощеляхским нашествием Москвы. Только вот, как по мне, то всё это бред! Быть не может, чтобы город раньше был одноярусным, как бы все в него влезли? Да и чтобы один человек целый лес создал, к тому же на третьем уровне... – уже в детстве я отличался рациональным взглядом на жизнь и в сказки не верил. – Пересадили, поди, крестьянским трудом с десятков деревьев из-за стены, а понтов развели, будто тайгу в одно рыло вырастили. Да ещё красивую историю для детишек забабахали!

– Экое, Лев Евгеньевич, у нас нынешнее поколение недоверчивое растёт, – хмыкнул молодой «пиджак», слегка подтолкнув меня к раскрытой двери. – Уже и в подвиг Великой Троицы не верят и силу Святогора не уважают! А что дальше-то будет? Скажут, что Юшкин был женщиной, а Пожарский вообще в объединении кланов не участвовал?

– Мда-а-а... – протянул старший и скептически посмотрел на меня. – Эх, дружок! Значит, тебя ждёт масса открытий чудных.

Подождав, пока я усядусь, седой сам пристегнул меня страховочным ремнём и лишь потом устроился сам и продолжил:

– Думал рассказать тебе историю этого места, но коли такие дела – не буду портить впечатление. Егор Петрович, дай потом кружок над Тимирязевским районом.

– Сделаем, – молодой «пиджак» опять усмехнулся, а потом потянул какой-то рычаг, и летун, зашипев, мягко при-

поднялся над землёй. – Ну, держись, малой – полетели!

Как выразить чистый восторг? Вот и я не знаю. «Сапсан» стрелой рванул вверх так, что нас даже вжало в кресла, но довольно быстро выправился, и Егор Петрович повёл аппарат куда-то на север.

А я, забывая дышать, прильнул к окну, насколько ремень позволял, разглядывая проплывающие под нами районы с разноуровневыми скоростными трассами, массивами жилых кварталов, башнями заводов и фабрик, с прикрывающими их верхними ярусами «светлых» районов. Мимо то и дело проносились громадины клановых небоскрёбов.

Строения, из которых состоят жилые кварталы, – да и вообще основная масса городской застройки – звались «блоками» и тоже зачастую возносились на несколько ярусов. Эти клановые гиганты являлись по большому счёту целым городским районом, заключённым в одном-единственном здании.

При этом в одном небоскрёбе могли находиться и жилые помещения, и торговые павильоны, и фабрики с заводами, и даже разнообразные зоны для отдыха и досуга, например, в виде террас на четвёртом-пятом уровнях, прикрытых пустотным куполом. Мимо нескольких таких мы успели пролететь достаточно близко, и я даже успел как следует разглядеть стайку обнажённых девушек, плескавшихся в искусственном озере.

Кстати, о тех самых террасах: вот там действительно иногда имитировали или рощу с домиком посреди, или даже

пляж у океана с искусственными волнами, в которых можно было искупаться и поплавать на сёрфе. Ещё дома, с родителями, мы смотрели передачи о самых необычных рекреационных зонах, собственно, поэтому я и не верил, что на Тимирязевской будет нечто большее. И оказалось, что зря!

Этот район сразу выделялся полным отсутствием жилых небоскрёбов. Да и блоков там высилось всего штук шесть. До «Стены» было ещё далеко, можно сказать, мы не так уж далеко отлетели от центральных районов Москвы, но при этом строения здесь не поднимались выше третьего яруса. А вот на нём-то... Да! Если легенда не врёт, то Святогор был силён...

Передо мной предстал не просто какой-нибудь парк, а самый настоящий «дикий» лес. Огромный, древний и завораживающий, да к тому же неиспорченный руками человека, потому как на его опушках ютились лишь редкие одно-, двух- и трёхэтажные домики. Я представил цену каждого из них, и мне стало дурно. За такие деньги можно было купить всю Нахаловку вместе с обитателями, после чего останется ещё и на то, чтобы обеспечить им безбедную жизнь вплоть до третьего поколения нахлебников. А учитывая, что некоторые из коттеджей стояли на берегу озера...

– Ну что, убедился? – в голосе Льва Евгеньевича явно сквозила насмешка, но не злая, а как у доброго дядюшки, впервые взявшего племянника в цирк. – Фома неверующий.

– Угу, – я пытался представить размеры этого леса, рас-

кинувшегося на огромной территории, и не мог, хотя вроде и летели мы достаточно высоко. – Как только на дрова это всё ещё не порубили?

– Вот ведь ехидна! – седой аж рассмеялся. – Раньше эта территория целиком принадлежала клану Тимирязевых. Они были сильнейшими чародеями аспекта дерева, наверно, не только в Москве, но и в мире. Или как минимум на нашем континенте. Вот они и продолжали дело Святогора, выращивая посреди полиса дикий лес и заботясь о нём. Жаль только, их это не спасло. Почти семь сотен лет клан владел этим районом, а вырезали их относительно недавно. Буквально в одну ночь. Кто-то говорит: зажрались, деревянные, решили, что они всесильны и пожелали устроить бунт. Кто-то наоборот, что это их Юшкины оговорили, а другие кланы и рады были ослабить тройку основателей чужими руками. Правды сейчас не найдёшь! Главное, под конец вмешался Князь, чтобы не дать порушить инфраструктуру, и взял тут всё под свою руку.

– Что? Неужели всех вот так взяли и вырезали? – удивился я. – Я думал, что клановые начинают массово мандражировать, когда речь заходит о вымирании хоть кого-нибудь из «Алого Бархатного Списка». А вы говорите, что один из кланов основателей просто взяли и уничтожили.

– Хм... – синхронно протянули «пиджаки», а затем Лев Евгеньевич дружелюбно ответил: – Так кто ж может знать-то? Вполне возможно, кого-то успели спасти, а ты, кстати,

парень, откуда про «Алый Бархатный Список» знаешь?

– Так историк наш в приюте рассказывал, – пожал я плечами, продолжая любоваться видами из окна. – Он у нас кланы не шибко жаловал.

– Вот значит как... – проговорил Егор Петрович. – А что ещё он рассказывал? На эту тему.

– Да так, – я почесал щёку. – Например, про то, что ещё до основания троицей новой Москвы, во время клановых войн, была традиция обращать побеждённых в вассалов, а затем торговать ими, как скотом. Да много чего рассказывал. Говорю же, не любил он клановых.

– Хм... Историк, значит...

– А скажите, Лев Евгеньевич, зачем Князю лес-то сдался? – В моём понимании князь был скорее военным вождём, чем лесорубом. – Просто как символ?

– Не скажи. Тут же не только буреломы и новые посадки, даже не столько они. Вон, – Егор Петрович оторвался от штурвала и указал направление рукой, – видишь поля возделанные? Под пустотным куполом по два-три урожая собирают. А на нижних ярусах животноводческие фермы – обеспечивающие мясом половину города. Да и навоз идёт на удобрение полей, леса. На самом деле Тимирязевский район – невероятно сложная замкнутая биосистема, только чудом не развалившаяся после гибели хозяев. И сейчас она объявлена нейтральной зоной, и уверяю тебя, попробуй кто тут буяннить, Князю даже вмешиваться не придётся.

– Грамотно, чо. Враждующие кланы будут сами друг от друга район охранять. – Может, я и вырос на нижних ярусах, но дураком не был, а о клановых войнах, идущих с допотопных времён, разве что полные идиоты не знали. – Школу поэтому тут сделали?

– И не только её. Многие Академии сюда перенесли, даже воинскую. А ты молодец, быстро сообразил, – молодой «пиджак», обернувшись на секунду, подмигнул мне. – Гладишь, и не заключут тебя местные детишки, если будешь головой думать.

– Это мы ещё поглядим, кто кого, – я хрустнул пальцами – разборка я не боялся, уж скорее, меня удивило бы их отсутствие. – Мы тоже не пальцем деланные!

– Не спорю, для уличной шпаны ты, может, и крут, но тут совсем другой уровень, – седой покачал головой. – Твои будущие одноклассники почти десять лет учились управлять силой. Ты же пока даже не личинка чародея, просто пень из леса, которому, можно сказать, повезло. Любой из них раскатает тебя в блин, просто щёлкнув пальцами. Так что послушай совета умного человека: засунь свой гонор поглубже и вгрызайся в учёбу. Если, конечно, хочешь выбраться со дна. Иначе только скажи, проверим тебя да вернём назад в «родной» детдом.

Я сжал зубы так, что они едва не захрустели. Издеваются, твари! Я не знал никого, кто бы добровольно согласился вернуться в низы Таганки, пусть даже и понимал, что тут у

него ничего не получится. И мы ещё посмотрим, что там за силы у местных!

Рябой тоже сначала понтовался, а как в рожу получил – вся спесь слетела. А я не думаю, что моих будущих одноклассников кто-то когда-нибудь бил головой об стену. Так что разберёмся!

Видимо, мои мысли слишком явно проступили на лице, потому как Лев Евгеньевич осуждающе покачал головой, но промолчал. Правда, отвернулся и до самой посадки больше не проронил ни слова.

Егор Петрович тоже притих, сосредоточившись на полёте, но, как мне показалось, всё же был больше на моей стороне. Хотя кто его знает. Эта парочка была весьма странной, и я никак не мог определить, к каким службам они всё же относятся. Может, сейчас они улыбаются мне и болтают как с равным, а случись что, не меняя выражение лица, просто перережут горло.

А я слишком уж размяк только из-за того, что именно они вытащили меня из тюряги, откуда я уже и не надеялся выбраться. Так что, постаравшись расслабиться и отстраниться от происходящего, я натянул на лицо самое нейтральное выражение – проще говоря, сделал рожу кирпичом, пытаюсь выказывать как можно меньше эмоций. Не думаю, что это ускользнуло от внимания «пиджаков», но комментировать они ничего не стали.

«Вот и отлично! – промелькнула мрачная мысль. – Что?»

Думали, что приструнили следака, покатали на летуне, так я перед вами лужицей растекусь? А вот хрен вам!»

Так в молчании мы и приземлились. Задумавшись, я упустил возможность полюбоваться сверху на своё новое место учёбы, о чём сейчас очень жалел. Вряд ли мне когда ещё удастся посидеть в летуне. Но выбрался из аппарата я всё с той же харей, типа, па-а-адумаешь, видал я карликов и покрупнее!

С ней же осмотрел здание, где мне, по всей видимости, теперь предстояло жить и учиться. Что сказать, не хотелось показаться деревенщиной, но вид впечатлял. С виду школа больше напоминала сказочный дворец со множеством колонн, лепнины и прочих украшений. Широкое полукруглое крыльцо вело к большим двустворчатым стеклянным дверям, через которые то и дело проносились школьники разных возрастов, одетые в одинаковую форму.

– Школа для маго-одарённых детей под патронажем самого Князя, центральный корпус, – Лев Евгеньевич остановился на секунду, давая мне возможность освоиться, затем хлопнул по плечу. – Ну, пойдём! Успеешь ещё налюбоваться... а то нас уже ждать должны.

В сопровождении «пиджаков» и под любопытными взглядами всех без исключения детей мы поднялись на крыльцо и вошли в здание. Внутри обстановка была не сильно скромнее, и так же наводила на мысль о волшебном дворце. Мраморные полы, вычурные ручки дверей, выполненных из до-

рогих пород дерева – всё, как показывали по телевизору в передаче о шедеврах архитектуры европейских полисов Парижа и Кёльна.

Мне даже стало немного стыдно за свой внешний вид, но тут уж я поделаться ничего не мог – даже будучи только что пошитой детдомовская одежда и рядом не стояла с тутошной формой. А уж после ночной драки, в которой мне пришлось немало повалиться по рыночной площади, и последующей недели в тюрьме – тем более.

Воспоминания о карцере вызвали острую резь в желудке, и тот разразился длинным бурчанием. Ел я последний раз позавчера в общей камере, если, конечно, кипячёную воду с плавающими в ней одинокими ошмётками неопределенного происхождения можно назвать едой. И с тех пор мне перепала только одна-единственная кружка чая с сахаром в допросной. А самое поганое и почему-то немного стыдное, хотя в другое время мне было бы наплевать, то, что трели живота услышал не только я, но и все окружающие.

Правда, если на мнение местных мне было вроде как положить с прибором, из разряда, кто я, а кто они, и что станет с этими холёными детишками, попади они в Нахаловку? А я оттуда! Я там выжил! То перед «штатскими» стало как-то неудобно. Точнее, стрёмно – я весь из себя такой брутальный и крутой не обращаю внимания на окружающих – и тут на тебе! Позорище!

– Э, друг, да ты ж у нас голодный. Что-то мы не подума-

ли, – на лице Льва Евгеньевича проступило то ли искусно сыгранное, то ли натуральное раскаянье. – Теперь уже поздно – некоторые замеры надо брать на голодный желудок...

Он замялся, а потом пробурчал себе под нос:

– Хотя хм... нехорошо это. Может быть пониженное содержание кровяных телец, да и другие проблемы с анализами вылезут. В любом случае нужно будет предупредить профессора... – он похлопал меня по плечу. – Ладно! Как только закончишь – сразу в столовую пойдём. Да и вообще, пока будешь у докторов, оформим документы, поставим тебя на довольствие.

Может, зря я на них обижаюсь? Ведь действительно, не знаю я местной кухни, да и вообще о способностях чародеёв ходит масса слухов. Что, мол, они гораздо сильнее обычных людей и даже без чар способны расправиться с десятком бойцов. Просто в детдоме я привык делить на десять любое хвастовство... по-другому точную информацию было не достать. Лекции об одарённых нам никто читать не соби­рался, кто что увидел, то потом и рассказывал, естественно, приврав для порядка, а проверить было трудно, ибо в нашей экосистеме таких зверьков просто-напросто не водилось.

Хотя, с другой стороны, ничего особого «штатские» для меня и не сделали, кроме как вытащили из тюрьги и сюда привезли. Но это их работа! Наверное. Иначе зачем бы ещё им возиться с пацаном с самого дна? Рассыпаться в благодарностях за то, что выполнили свой долг? Не много ли че-

сти? Точнее, я, конечно, признателен и всё такое, но лучше оставаться настороже. Если там, внизу, жизнь была проста и понятна, то здесь не знаешь к кому повернуться спиной, чтобы не получить в неё удар. Короче, пока не стоит никому верить, а дальше посмотрим. Если уж они так озабочены моей судьбой – время это покажет. А нет – так и не надо!

Воздух прорезал звон колокола. Тут же все ученики, гляевшие на нас, словно на диковинных зверей, сорвались с места и скрылись в классах. Видимо, с дисциплиной тут всё было строго. У нас в детдоме, даже несмотря на возможность наказания, всем было плевать, да и учителя с воспитателями никогда не обращали внимания на поведение, предпочитая монотонно пробубнить положенное и побыстрее свалить в туман.

Заведующая на это закрывала глаза, давно и прочно поставив на нас крест и требуя лишь одного – чтобы разборки внутри учреждения обходились без поножовщины. На труп могла нагрянуть комиссия и начать задавать неудобные вопросы. В остальном – делайте что хотите.

В одиночестве мы прошли по коридору, поднялись на второй этаж и остановились у дверей с надписью «Лаборатория». Лев Евгеньевич постучал и тут же вошёл, не дожидаясь разрешения. Егор Петрович сразу же слегка подтолкнул меня в направлении двери – входи, мол. И я, не став кобениться, последовал за седым, стараясь казаться максимально спокойным.

Это было непросто. Сердце колотилось как бешеное. Конечно, «пиджаки» разговаривали так, будто моё поступление сюда – дело решённое... А вот я чего-то не верил в такие плюшки от судьбы.

Слишком быстро всё завертелось. Если бы мне дали подумать хотя бы сутки, я бы вообще сюда не поехал! Просто здраво бы рассудил, что будь я чародеем, это вылезло бы задолго до пятнадцати лет. Недаром ещё в детстве меня таскали по всевозможным докторам да учёным, консультацию которых могли оплатить родители. При этом я верил, что могу оказаться одарённым, пусть исследования ничего и не показали. Серебристые волосы и ярко-зелёные глаза, совершенно не похожие на родительские, явно указывали на «наследство силы», пусть подход к нему и не могли найти. Но... время шло и, в конце концов, шанс был упущен.

До выпуска меньше года. Спроси кто меня, я бы предпочёл синицу в руках неведомой жар-птице, которая ещё то ли прилетит, то ли нет. Закончил бы школу, потом электромеханическое училище или, может быть, по стопам отца отправился бы к военному рекрутёру. В любом случае с профессией на руках можно было бы и о чарах подумать.

Но сегодняшний день всё поставил с ног на голову. И здесь и сейчас я больше всего боялся оказаться неодарённым – этакой жертвой случайности. Пусть даже меня не вернут в тюрьму, но я видел летун, я, мать его, сидел внутри! И понял, что не вернусь на дно. Сдохну, но останусь тут во

что бы то ни стало!

– ...дня, милейшая Ольга Васильевна, – мы застали седого в момент, когда он целовал руку симпатичной и довольно грудастой женщине в белом халате, принимавшей это как должное. – А вот то юное дарование, о котором мы говорили.

– Видимо, у нас с вами очень разное толкование слова «юный», Лев Евгеньевич, – дама скептически окинула меня взглядом, пройдясь по драной одежде, сбитым кулакам и лишь слегка задержавшись на волосах – даже слой грязи не мог скрыть их необычный цвет. – Что ж, давайте посмотрим, что будет со второй частью. Но для начала, юноша, вам придётся посетить уборную. Я не знаю, из какой дыры вас достали, но вымыть вас явно проще, чем потом отчищать и дезинфицировать приборы и аппараты.

Я промолчал, в ответ лишь пожав плечами. Да хоть горшком назовите, только в душу не гадыте! А вымыться – это мы всегда согласны, я бы ещё и зубы с удовольствием почистил: в тюрьме о гигиене заключённых особо не заботились, и достать хотя бы мыло уже считалось удачей. Следуя жесту женщины, я пошёл за ней. Лаборатория оказалась весьма большой, включающей несколько комнат с различными устройствами, часть из которых жужжала, щёлкала и гудела. На экранах бежали изогнутые линии, то дыбившиеся остроконечными пиками, то выравнивающиеся. Короче, всё было ново и интересно. Такого я не видел даже в школе, хотя пару приборов опознать мог.

Уборная здесь, кстати, тоже оказалась не просто комнатой-закутком, облицованным плиткой, с лейкой сверху и дырой в полу, а полноценной ванной комнатой. Душ, кстати, тоже не подкачал: оказался с гибким шлангом, горячей и холодной водой и удобным металлическим корытом, отгороженным от остального помещения. А мне выдали не только мыло, но и шампунь с мочалкой. Следующие двадцать минут я блаженствовал под горячими струями, в пятый или шестой раз намыливаясь, оттирая с тела память о рыночной площади, карцере и ледяной луже.

На пуфике в уборной меня ждало большое махровое полотенце, чистое исподнее – кальсоны с рубахой – и тапочки с котятками. Хмыкнув про себя, дескать, спасибо, что не белые, я тщательно вытерся, быстро натянул чистую одежду и вышел из комнаты, готовый ко всему на свете. Поесть бы ещё... но теперь можно и потерпеть до окончательного вердикта: буду я здесь учиться или нет.

За дверью меня ждали. Не сама Ольга Васильевна – не по рангу ей под дверями караулить детдомовскую босоту, – но тоже девушка, облачённая в белый халат, хотя вряд ли старше меня по возрасту. Зелёные волосы были уложены в сложную причёску, круглое лицо с аккуратным носиком, при моём виде скривившемся, словно от вони, слегка присыпано конопушками, а здоровенные зелёные глаза, хотя и презрительно шурились, но так и сверкали затаённым любопытством. За несколько секунд я был взвешен, обмерян и...

вот к каким выводам пришла девица, сказать было сложно, слишком малый опыт общения не позволял мне судить об этом однозначно.

– Следуйте за мной, – не дожидаясь ответа, зелёная повернулась ко мне спиной и зацокала каблучками.

Пришлось поторопиться, если я не хотел добираться в одиночку. Не то чтобы боялся заблудиться, но зачем плодить проблемы на ровном месте, пусть даже в провожатую мне дали стерву. Так что, шустро перебирая ногами и забавно шлёпая при этом тапками, я пристроился в кильватер к так ни разу и не обернувшейся девице и прибыл к месту судилища, приготовившись узнать: чародей я или же извращение природы.

«Пиджаков» в комнате уже не оказалось. Зато к Ольге Васильевне прибавились ещё две красавицы, и это без той, что меня сюда привела. И весь этот цветник уставился на меня. Казалось, на мне не осталось и миллиметра, который укрылся бы от их внимания. Я поначалу смутился и залился краской, но тут же поднявшая голову злость прошептала мне: «Да какого чёрта?!» – и я в ответ принялся с любопытством разглядывать присутствующих.

Сама женщина была похожа на типичную учёную из любого телесериала. То есть максимально невзрачная причёска а-ля «я вроде когда-то заплетала косу» и простенькая одёжка под идеально белым халатом. Минимум косметики, но при этом весьма привлекательная внешность. Нежный овал ли-

ца, острый подбородок, полные чувственные губы, прямой нос, серые глаза и блондинистые волосы. Не зря вокруг неё Лев так крутился. Седой, а шарит! Единственное, что смущало, у Ольги Васильевны не было ярких отличительных черт чародея. Видимых как минимум, таких, как цвет волос или глаз, оттенок кожи, форма радужки и так далее.

Обычно аспект силы находил своё отражение во внешности. И чем древнее и сильнее был род чародея, тем ярче это проявлялось. Клань, имеющие в аспектах первоэлементы, все как один щеголяли экзотической внешностью. «Штатские», что привезли меня сюда, тоже явно были если не гильдийскими, то из семей, имеющих длинную историю поколений чародеев. А вот «зеленушка», встретившая у дверей, происходила из старшей ветви клана с аспектом «дерево». Только, что она тут делает, было непонятно, ну да это и не моё дело. А вот то, что из-за этих отличительных черт меня всё детство таскали по врачам, пытаюсь понять, почему я не становлюсь чародеем, не чувствую силу, – это непреложный факт.

Зато у оставшихся девиц с этим было всё в порядке. И при том они разительно контрастировали друг с другом. Первая – весьма невысокая малышка, буквально укрытая водопадом прямых, белых как снег волос, закрывающих заодно и половину милостливой мордашки, с тонкими губами, небольшим прямым носиком-пуговкой и огромными голубыми глазами. Короче, её хотелось обнять и гладить. Ну и заодно

оградить от жестокости мира и вообще любых невзгод, настолько мило и беззащитно она выглядела.

Вторая, наоборот, отличалась резкими чертами лица, высоким ростом и копной кучерявых, чёрных как смоль волос. Серые, а скорее, даже стальные глаза смотрели уверенно и дерзко. Явно из adeptов «Тьмы» или смежных аспектов. Но нельзя не признать – девица была весьма симпатична, и устрой кто голосование, я бы с ходу не смог сказать, кто в комнате самый красивый – настолько присутствующие женщины были разными, но при этом одинаково великолепными.

Чувствуя, что до радостного позора осталось совсем немного, я отвёл взгляд, принявшись разглядывать комнату, а сам мысленно начал перечислять химические элементы из периодической таблицы. С этой наукой у меня всегда было не ахти, так что довольно быстро удалось отвлечься и успокоиться. Но, кажется, мой манёвр не остался незамеченным. Как минимум пару хмыков я услышал, правда, так и не понял, чьими они были. Положение спасла Ольга Васильевна:

– Так! Раз все утолили своё любопытство, давайте начнём! – женщина звонко хлопнула в ладоши, привлекая внимание. – Девочки, нам нужно провести полное комплексное обследование, а времени не так много. Поэтому, Лина, на тебе первоначальные замеры. Дарья – чарометр. Таша, помогаешь Даше и, если понадобится, со мной на РСУ. За работу!

Девушки бросились в разные стороны. Белоснежка приня-

лась настраивать знакомое мне по прошлым посещениям больниц устройство. Зеленушка куда-то унеслась, а Черно-волосая поманила меня пальцем к линейке для замера роста. Да бога ради. Привычно сделав морду кирпичом, я подошёл, мол, делай со мной что хочешь. Та хмыкнула, указав куда встать, и через секунду чувствительно стукнула мерной палкой по голове, якобы «нечаянно». Вот же сучка. Насколько понимаю, они все здесь такие, ну, может, кроме Дарьи. Пове- рить в то, что эта малышка может быть стервой, было слож- нее, чем в то, что земля круглая.

– Рост – сто семьдесят три сантиметра, – голос у Ли- ны оказался под стать: низковатый и чувственный. – Вес – шестьдесят четыре килограмма триста грамм. Грудная клет- ка... будьте добры, снимите рубаху.

Да ради бога. Стесняться в детдоме отвыкаешь быстро. Так что, ничтоже сумняшеся, я через голову стянул выдан- ную мне после душа вещь и наткнулся взглядом на выпучен- ные глаза девицы. В то, что она никогда не видела полуголо- го мужика, мне верилось слабо. Ну как минимум тогда она не кинулась бы так рьяно выполнять приказ хозяйки лабора- тории. А значит... я проследил направление взгляда, и точ- но: Лина в упор таращилась на несколько шрамов, толстыми жгутами протянувшихся на моём теле.

Первый и самый здоровый, начинающийся подмышкой и идущий почти до середины живота – подарок от Крыса, ше- стёрки Рябого. К тому времени наша война с бугром детдо-

мовских окончилась. Он признал моё право жить по своему, я – его авторитет и власть рулить остальными, как он хочет. А вот одному гадёнышу этого показалось мало, и он решил подняться за мой счёт. Проще говоря, завалить. Тогда власть Рябого, толпой не справившегося с одним бунтарём, заметно пошатнулась бы. И была б возможность его подвинуть.

Вот только решить и сделать – это разные вещи. Когда в столовой на раздаче мне в бок вонзилось что-то острое, я инстинктивно повернулся, выплеснув тарелку жидкого, но горячего варева в лицо нападавшему. К сожалению, а может, и счастью, заточка изначально попала в ребро, а затем соскользнула и под весом Крыса, который продолжал давить на неё всем телом, пропахала мне грудь и живот. Ничего смертельного, но разрез был глубоким. На этом успехи горе-убийцы закончились. С ошпаренной мордой он бросил лезвие, принявшись орать, схватившись за глаза, и тут подлетел Рябой со своей кодлой. В больничке я провалялся три недели, а когда вышел, о Крысе никто даже не вспоминал. Ну и я постарался забыть произошедшее, как страшный сон.

Второй был подарком от васильковских. Напоминанием о первом знакомстве. Так как я не пошёл под Рябого, то и посвящать меня во все тонкости жизни в Нахаловке он считал ненужным. По сути, справедливо, и претензий к бугру я не имел. Ещё и потому, что считал себя умнее всех детдомовских. И в первый же выход в город умудрился забрести на чужую территорию. Когда меня окружила толпа, я ещё на-

деялся договориться, но не успел сказать и слова, как меня полоснули ножом по спине. Благо про ум я действительно был прав – мигом выкинув из головы все остальные мысли, я взревел и ломанулся бежать. Сказалась разница в физической подготовке – мне удалось оторваться, в итоге вернувшись к своим, но раз пять или семь ножами по спине меня всё же достали. Так что там теперь была сетка шрамов, не таких глубоких и длинных, но в совокупности смотрящихся едва ли не более жутко.

– Очень интересно, – Ольга Васильевна обошла меня по кругу. – Юных бандитов к нам ещё не привозили.

– Я не бандит, – горло пересохло, поэтому голос оказался немного каркающим. – Скорее, наоборот – рыцарь без страха и упрёка. Защищаю невинных, наказываю злодеев и всё такое.

– Ну да. О чём только думал Лев Евгеньевич...

– Честное слово! – мне почему-то стало обидно за седого «штатского» – У кого хошь на Нахаловке спросите. Все знают, что на мне крови нет. Разве что Сидор-Валяла, но эту тварь ещё в младенчестве удавить надо было.

– Ну да, ты белый и пушистый... хм, действительно. А они все сволочи, – женщина слегка скривилась. – Знаю, слышали.

– Я не ангел, но позвоночники никому не ломал, чтобы лучше на паперти подавали, – я скрипнул зубами от едва сдерживаемой злости. – И точно знаю, что Валяла любил на-

силовать девушек в... ну, в общем, не туда. И душить при этом. У нас из детдома тоже несколько пропало, мы их нашли потом, только доказать ничего не смогли.

– А тебя, значит, не додушил. Из-за этого поссорились? – послышался мягкий сочувствующий голос.

Если честно, я сразу не понял, кто это сказал, а когда дошло – едва сдержался, чтобы не броситься прямо тут. Вот от кого не ожидал, так это от Белоснежки, смотрящей прямо на меня с изрядной долей презрения в глазах. Вот тебе и девочка-одуванчик.

– За такое у нас принято гвоздь в печень вгонять, невзирая на пол и возраст, – говорить было тяжело из-за душившей ярости. – Благодарю... бога...

– А ну тихо! – в голосе Ольге Васильевны звенела сталь. – Дарья! Ты перешла все границы! Немедленно извинись, и я отстраняю тебя от работы. А вы, юноша, запомните. Теперь вы не в этой своей «Нахаловке». Тут другие правила. И если я узнаю, что вы кому-либо угрожаете или вспомнили свое бандитское прошлое, вы об этом весьма пожалеете. Возвращение в ту дыру, откуда вас вытащил Лев, вам покажется праздником. Понятно?! Дарья, я жду.

– Прошу прощения, я была неправа, – тусклым безжизненным голосом отбарабанила Белоснежка, что совсем не вязалось с её взглядом, обещавшим мне жестокую и мучительную смерть. – Разрешите идти?

– Иди. Таша, замени Дашу на чарометре. И постарайтесь

избегать разговоров. – Раздав всем задания, женщина направилась за Белоснежкой. – За дело!

Хлопнула дверь, и мы продолжили. Но на этот раз молча. Процедуры мне были знакомы. Я не раз проходил их в различных клиниках, так что закончили мы быстро, как раз к моменту, когда вернулась хозяйка лаборатории. Ознакомившись с результатами, она нахмурилась, с задумчивым видом походила по комнате, а затем махнула рукой, мол, идём...

Завела она нас в отдельное помещение, вся обстановка которого состояла из каменного куба с отверстием посередине, в котором был закреплён лежак на салазках так, что его можно было задвинуть внутрь или вынуть обратно. Места в упор хватало для одного человека. Но самым удивительным было не это.

Всю поверхность куба покрывали печати, не просто нарисованные, а вырезанные на камне. Честно говоря, выглядело всё жутковато. Особенно когда, уложив меня на лежак и закрепив ремнями, Ольга Васильевна и помощницы задвинули его внутрь и вышли из комнаты, наблюдая за происходящим из соседней через окно, забранное толстым стеклом.

Только вот страхи мои не оправдались. Даже когда куб загудел, а печати засияли радужными сполохами – я ничего не почувствовал. Устройство срабатывало ещё трижды и всё с тем же результатом. И, честно говоря, это расстроило меня сильнее, чем, если бы каждый раз пришлось испытывать адскую боль.

Если болит – значит есть чему! А так... мечты о чародействе рассыпались от удара об суровую действительность. Похоже, мне и правда, просто повезло. Оглушённый этой мыслью я безропотно поплёлся за Линой, которой приказали отвести меня в столовую, понимая, что, скорее всего, это подачка из жалости, а дальше меня ждёт всё та же камера.

Глава 3

Каблуки звонко цокали по гранитным плитам, выдавая волнение хозяйки, как бы она ни пыталась его скрыть. Мужчины ждали результатов обследования в условленном месте – небольшой беседке посреди студгородка, превращённой в летнее кафе. Точнее, демисезонное, пустотный щит надёжно укрывал посетителей от непогоды, правда, и чашка чая тут стоила примерно столько же, сколько зарабатывала среднестатистическая семья на первом ярусе. У местных учеников обычно проблем с деньгами не было, так что заведение пользовалось популярностью.

При появлении женщины мужчины поднялись, учтиво отодвинув стул, и лишь потом уселись сами. Если бы Ольга давно не знала обоих, могла бы принять их за придворных князя или кого-то из верхушки кланов. Хотя нет, даже с безупречными манерами, – нет. Глаза выдавали род деятельности данных господ сразу и с потрохами. Острый словно препарирующий взгляд, стремящийся добраться до самых глубин души, до потаённых мыслей, которые ты не доверишь даже подушке. Найти мельчайшие чёрные пятна на белом фоне... и безжалостно казнить, если хотя бы в подсознании ты пересёк неизвестную черту.

– Итак...

Ольга Васильевна Ланская. Видный учёный в вопросах

изучения энергоструктуры человека, о которой, впрочем, мало кто слышал, по ряду причин вынужденная довольствоваться должностью заведующей лабораторией школы для мага-одарённых детей, внимательно посмотрела на собеседников. Вздохнула, немного играя, и продолжила:

– И зачем вы притащили ко мне убийцу-уголовника, да ещё пятнадцати лет отроду? Что вы хотели получить? Я бы поняла, если бы речь шла об обследовании, но зачем вы пообещали, что он будет учиться?

– Ольга Васильевна, – покачал головой, не принимая её игры, Егор Петрович. – Давайте не будем говорить про убийц и уголовников. Вам ли не знать, что есть любой Полис. Просто одним вроде как можно, а таким, как он, – нет.

– Обстоятельства, – на лице Льва Евгеньевича, в свою очередь, не было и следа раскаяния. – Парень – крепкий орешек, выдержал жёсткий прессинг в тюрьме, но ни в чём не сознался. А вводные таковы, что он идеальная фигура для...

– Садовников, – закончила за него женщина, проигнорировав его напарника. – Кем ещё могут заниматься сразу два следователя по особо важным делам, облечённые волей Князя. Позвольте, попробую угадать ход ваших мыслей. У мальчишки явные отметины силы. Волосы как минимум. Это первое, что приходит на ум, глядя на него. Но все обследования показывают, что он выродок, бездарь и пустышка. Шутка природы. Это порождает в нём обиду на тех, кто действительно одарён. А тут ещё и родители погибают, и некие об-

стоятельства сбрасывают его на самое дно социальной лестницы. Раз раньше он жил на втором ярусе, тут явно не обошлось без мошенничества с наследством. Иначе он просто не попал бы в детдом в этой Таганской Нахаловке. От него избавились как от свидетеля, верно?

Мужчины не посчитали нужным отвечать. Всё так и было понятно. После крушения поезда вдруг объявились неведомые кредиторы, о которых никто раньше не слышал, квартира и имущество семьи Каменских были тут же проданы за копейки в счёт погашения долга. А никому не нужный пацан вышвырнут куда подальше, где не мог бы предъявить претензий, а, скорее всего, просто исчез бы. И всё это даже не с молчаливого согласия, а при самой деятельной помощи полиции, суда и властей. Единственная странность – это почему на самого пацана не наложили рабскую печать.

При купленном судье это вполне можно было сделать – сумму несуществующего долга легко увеличить до бесконечности. Но и этому было объяснение. Военные-наёмники могли закрыть глаза на наглое ограбление наследника одного из «своих», особенно, если подмазать начальство. Но рабство – совсем другое дело. Даже промолчав в открытую, безбашенные вояки могли запросто устроить несчастный случай кому-то из причастных – просто для того чтобы с их детьми, случись что, не повторилась бы подобная история. А так, с глаз долой – из сердца вон, и все довольны.

– Мальчишка попадает в банду. Вращается в маргиналь-

ных кругах – идеальных для вербовки в секту. Но происходит нечто, что выделяет его из других и заставляет вас подозревать в связях с Садовниками. Так? – заказав у подскочившей официантки чай и кусочек пирога, Ланская продолжила: – Скорее всего, это было значительное моральное потрясение, плюс воздействие внешних чар.

– Неделю назад в Нахаловке было крупное побоище между малолетними бандами, – было видно, что Льву не хочется этого рассказывать, но всё же он решил быть откровенным для пользы дела. – Там Каменский в поединке убил местного громилу, Сеньку-Валялу, несмотря на то, что того обкололи наркотой, да и сам он был раза в два больше. Причём по нашим данным парень продолжил семейную традицию.

– В смысле? – нахмурилась женщина.

– В банде он не состоял. Поставил себя одиночкой чуть ли не с первого дня в детдоме, – усмехнулся молодой. – На разборки его «наняли» за несколько пачек сахара...

Ланская тихо и очень грязно выругалась.

– К сожалению, у бугра проигравшей банды оказался свиток «морозного конуса», – продолжил седой. – Формально эти чары не относятся к боевым, однако имела место нестандартная активация – печать просто по-варварски разорвали. Образовался стихийный выброс силы льда. Эпицентр был невелик, но произошло это в самом центре драки, так что мы имеем не меньше трёх десятков хорошо замороженных трупов. А среди них наш клиент, единственный выживший

в зоне поражения.

– Это подтверждает мою теорию. А вы, значит, решили, что, если он не поддался прямому давлению, стоит зайти с другой стороны. Демонстративное наказание «плохого» следователя, поездка, а скорее, полёт в некое волшебное место, где из него сделают чародея. Разве он после такого откажется рассказать друзьям, откуда у него сила? – высказывание предположений не мешали Ланской, и она уже успела прикончить десерт, теперь грея руки о чашку с чаем. – К сожалению, должна вас разочаровать, следов подсадки ядра нет и быть не могло. Я бы поставила на эксперимент кланов с евгеникой, но, скорее всего, мы имеем дело со случайной мутацией. Жизнь иногда оказывается затейливей любых выдумок.

– Значит, пацан – пустышка? – опять включившийся в беседу Егор и скривился, теперь ему было жалко потраченного времени.

– Я этого не говорила. Но случай необычный, я бы даже сказала, невероятный, – женщина поставила чашку, затем глубоко вздохнула и рубанула, словно бросилась в море с обрыва. – У Антона двойное ядро.

– Хм... вещь, несомненно, редкая, но я и сейчас могу вспомнить пару чародеев... – молодой следователь потёр лоб.

– Вы не поняли. У него замкнутая энергетическая система из пары ядер первостихий-антагонистов. Конкретнее, огонь

и вода. Да, звучит невероятно и противоречит всему, что мы знали до сегодняшнего дня, но это факт! Резонансно-силовая установка дала чёткий снимок. И да, я перепроверила, трижды. Результат один. И по состоянию ядер на данный момент с уверенностью могу сказать, что он таким родился.

– Почему вы так считаете? – ошарашенный новостью Лев с трудом соображал, пытаясь переварить услышанное.

– Вам известен метод статистической оценки возраста человека по состоянию ядра? – в голосе Ланской проскользнули привычные наставнические нотки. – Он довольно прост и строится на одном допущении: на развитие ядра одарённый каждый день тратит ровно час. Как показывают расчёты – это самый оптимальный объём времени по затратам и результату. Известно, что степень магистра достигается примерно в шестьдесят лет. Архимагистра – в девяносто. Если посчитать, то получится, что человек суммарно тратит на тренировки по месяцу в год. Даже в кланах раньше пяти лет не начинают. И в результате нехитрых вычислений мы получаем три с половиной года непрерывных тренировок, чтобы достичь максимального ранга.

Если Лев принял слова женщины на веру, Егор не удержался, вынул записную книжку и под насмешливым взглядом Ольги пересчитал данные. В принципе, она всё сказала правильно, мелкие отличия можно было игнорировать. Сам же следователь уже понимал, что хотела сказать учёная, но поверить не мог, поэтому и взялся считать, стараясь оття-

нуть время. Следовало решить, как распорядиться такой информацией.

– Убедились? Так вот, если обычный одарённый тратит два часа на тренировки, то в замкнутой системе элементов-протагонистов ядра работали каждый день каждую секунду на протяжении пятнадцати лет. Понимаете, что это означает?

– Что сирота с Нахаловки уже сейчас сильнее архимагистра в четыре с лишним раза? – прошептал Лев, едва не хватаясь за голову. – Разве такое может быть?

– Как оказалось, может. Только не в четыре, а в восемь. Ядра-то два. – Егор тоже выглядел пришибленным, но при этом задумчивым.

– Всё верно! Сейчас в школьной столовой сидит монстр с невероятно развитым энергетическим центром... – Ланская сделала эффектную паузу. – И полностью деградировавшей периферией. Его энергоканалы даже не на грани схлопывания, многие из них вообще не прорезались. Как я уже говорила, всплеск произошёл на фоне сильнейшего потрясения, но он был единичным и шёл прямо из ядер. Я думаю, можно раскачать сознание и научить юношу оперировать своими силами, да и энергоканалы не проблема – есть наработанные методики. Остаётся вопрос, а надо ли? Даже при условии, что я сама им займусь, год – это слишком мало. Видимого результата может и не быть. Хотя было бы интересно поработать – это может стать началом весьма прогрессив-

ной теории развития ядра. Однако есть ещё вопрос: кто будет оплачивать банкет? В своих подозрениях вы ошиблись, стало быть...

– А вот торопиться не следует, правда, Лев Евгеньевич? – Егор глянул на старшего товарища и заметил в его глазах такой же огонёк азарта. – Если не получилось выйти на Садовников напрямую, почему бы нам не пойти другим путём? Два ядра невероятной силы – это та приманка, ради которой сектанты рискнут высунуть носы. А где пацан будет в большей безопасности, как не в Школе для маго-одарённых детей? А финансовый вопрос решим. Думаю, банды Нахаловки согласятся выплатить очень хорошую компенсацию за распространение боевых чар среди малолеток.

* * *

Передо мной стояла тарелка с горой нежнейшего картофельного пюре, политого просто морем гуляша с подливой, казалось бы, пища богов, но впервые за два года еда просто не лезла мне в горло. Скажи кто ещё сутки назад, что я буду воротить нос от такой вкуснятины, я бы рассмеялся, ну или – с куда как большей вероятностью – набил бы шутнику морду. Чтобы в следующий раз хорошенько подумал рискнуть здоровьем и постебаться или не стоит.

Однако сейчас, лениво шевеля ложкой, я совершенно не ощущал вкуса. Только горечь от того, что в который раз

все мои мечты рухнули под напором суровой действительности. Вроде как поманили шоколадной конфеткой, а я, дурак, повёлся на блестящий фантик, банально проигнорировав неприятные запахи. Ведь любой здравомыслящий человек знает, что чудесне бывает, да и сразу было понятно, что пахнет эта история дурно. И вот теперь меня взвесили, измерили и признали негодным к чародейству!

Хрен его знает, зачем это было нужно «пиджакам», но очень сомневаюсь, что они такое затеяли просто для того, чтобы поиздеваться над безродным сиротой. Да даже если и так – будет мне наука на будущее. И не стоит обольщаться насчёт того, что не выгнали сразу, а, как и обещали, накормили обедом. Это так – подачка на бедность. Особенно в сравнении со стоимостью покатушек на летуне.

Тем более что привели меня не в общую столовую, где харчевались ученики, а в подсобное помещение при кухне, да ещё и с заднего хода. Дескать, нефиг своей харей светить в нашем калашном ряду. И вообще, шпана, знай своё место!

По-хорошему, стоило бы плюнуть и растереть! Сожрать эту действительно вкусную хавку, не идущую ни в какое сравнение с детдомовской или тюремной баландой, и гордо удалиться, но... в груди так сильно болело, что не получалось проглотить даже маленький кусочек. Вот и сидел я под недовольными взглядами заглядывающих в комнатку поваров, решивших, наверное, что я настолько зажравшийся тип, что брезгую их угощением.

Ну да... Но в любом случае винить в произошедшем мне следовало только себя. За то, что поверил, будто «пиджакам» есть какое-то дело до такого, как я. Сложно сказать, частью какой такой игры я стал, сам того не подозревая, но то, что при этом забыл главное правило выживания на дне – неоспоримый факт. Это-то и давило сейчас на мою грудь, стискивая её стальными кольцами.

«Никому не верь, не бойся смерти и ничего никогда не проси!» Три простых закона, соблюдая которые, есть шанс выжить и вырваться из ада нижних ярусов. И самый главный из них я сегодня нарушил. Доверился... да ещё кому! Легавым из Кремля! Тем, для кого жизнь обитателей дна, да и большинства бесклановых горожан, стоит меньше, чем пыль на их лакированных ботинках.

Зеленуха «Таша», что привела меня сюда, уже куда-то умотала, наказав её дожидаться, но я уже подумывал плюнуть на всё и выбираться самому. Ну и что, что в исподнем и дурацком халатике? Нехрен было моё шмотьё уносить. Мы не гордые, срам прикрыт – значит, сойдёт, походим так. Знать бы только хотя бы примерно, куда идти. Слоняться по коридорам, превращаясь в объект насмешек, желания как-то не имелось.

Да и окончится всё непременно дракой – это к гадалке не ходи. В моём нынешнем состоянии первый же шутник непременно получит в морду и хорошо, если зубы сохранит. Бросив ложку, я присосался к большому гранёному стака-

ну с компотом. Вкусный, зараза! Не та жиденская, чуть подкрашенная бурда, которой нас потчевали в детдоме. С кругляшами кураги, расползающимися на языке, какими-то ягодами и нежными кусочками непонятно чего. А главное, холодный, а не омерзительно тёплый! Он хоть немного притушил пылающий во мне пожар обиды.

Да и вообще, пора уже прекращать дурить! Не они первые, не они последние... Занести в чёрный список и как-нибудь отомстить, если, конечно, подвернётся такая возможность.

Не психовал же я так, когда приставы забрали мой дом за мнимые, несуществующие долги, так чего сейчас-то нюни распустил?

«А ну взял ложку и нажрался от пуза!» – мысленно приказал я сам себе.

Самовнушение вроде бы помогло, и я, подхватив столовый прибор, буквально вгрызся в слегка остывшую гору картофеля, разве что не урча от удовольствия. Реально отпад! Мясо прямо таяло на языке, а пюре, пропитавшееся подливой, казалось, исчезало с тарелки само. Пяток кусочков белого хлеба, что мне дали, тоже пошли в дело, а последним я, абсолютно того не стесняясь, по-простецки тщательно вытер тарелку, стараясь не оставить на ней ни единой капли вкуснятины.

Ну а что? Я ведь не какой-нибудь там клановый сноб, чтобы стесняться своих манер. Точнее сказать, их отсутствия. Когда ещё доведётся так харчеваться, да ещё и практиче-

ски на халяву?! О том, что заплатить за еду мне пришлось несколькими часами унижения, я в данный момент старался не вспоминать, дабы не портить себе удовольствие.

Как говорится, во всём нужно искать положительные стороны! Так что когда за мной пришли, я обнаглел настолько, что тянул третий стакан компота, закусывая песочными коржиками, что подогнали сиротинушке сердобольные повари-хи. Когда они в очередной раз заглянули в подсобку и увидели, как я сметаю приготовленную ими еду, былая обида растаяла, словно прошлогодний снег.

А стоило мне упомянуть, что я детдомовский, мол, поначалу опешил, глазам своим не поверил – нас-то так не кормят... Так и просить добавки не потребовалось, она сама собой материализовалась передо мной прямо из воздуха. А вообще, правильно говорят, наглость – второе счастье!

На удивление, пришла по мою душу не Зеленуха, а Ольга Васильевна собственной персоной. И, судя по тому, как всполошились повара, женщина пользовалась тут определённым авторитетом. Видать, решила скрасить отказ тем, что лично выпнет меня за дверь, дескать, гордись, сама... кто там она, не знаю, тебе такую честь оказала.

Смешно. Они действительно думают, что мне до этого есть какое-нибудь дело? Как по мне, лучше бы прямо в лицо всё сказали, безо всяких там реверансов. Оно так как-то честнее выходит, а то сплошное лицемерие. Типа, мы бы с удовольствием, но сам понимаешь... А сами-то при этом ра-

ды радёшеньки, что от детдомовской крысы быстро избавились.

– Уже поел? Замечательно, – женщина отказалась от предложенного ей чая и нетерпеливо потеревила часы. – Тогда собирайся. Зайдём сейчас к Фридриху Иосифовичу, чтобы тебе не разгуливать в неглиже по всей школе. Он как раз на месте должен быть. Не по правилам, конечно, но не надевать же тебе то рваньё, в котором приехал. Тем более что его уже, наверное, сожгли. Мало ли какая живность там водилась.

Задумавшись над значением понятия «неглиже» и о том, насколько оскорбительно оно звучит в применении к моей персоне, я могучим глотком влил в себя остатки компота вместе с сухофруктами. Так и не придя ни к какому конкретному выводу, кроме того что звучит это слово как-то по-бабски и вообще мне не нравится, встал, поблагодарив поварих за еду, чем чуть было не пробил женщин на слезу умиления.

«Спасибо им тут, что ль, никогда не говорят? – подумал я, но тут же переключился на новую тему. – Шмотьём, значит, хотите откупиться? Да за ради бога! С паршивой овцы хоть шерсти клок!»

А вообще, чувство вины со стороны практически незнакомых людей такого уровня – большое дело. Глядишь, так ещё и от тюрьмы отмажут сиротинушку. Хотя... вот о «пиджаках» я был всё же лучшего мнения. Зассали, значит, сами мне всё сказать, бабу послали. Ну и плевать! Пусть валят! Интересно только, кто и куда меня отсюда этапировать

будет, потому как сам я, своими ножками, хрен выберусь.

Если весь этот район под патронажем самого Князя – обычные полицаи сюда не сунутся. А кто тогда? Гвардейцы? Ладно, поживём – увидим, а пока посмотрим, что мне за тряпки впарить попытаются. А то подгонят какой тухляк вместо выброшенного, в общем-то, хорошего шмотья, а понтов разведут, будто в бархат и шелка одели.

Идти оказалось недалеко. Буквально через два поворота мы уткнулись в дверь с табличкой «Завхоз Фридрих Иосифович Бергман». И не успела Ольга Васильевна постучать, как дверь распахнулась, являя довольно любопытного персонажа.

Высокий старик с пепельно-седыми волосами, затянутый в военную форму, молча кивнул нам и сделал приглашающий жест, заходите, мол. Сам же развернулся на месте и, словно княжеский чародей на параде, направился вглубь комнаты, туда, где стояла небольшая конторка и пара стеллажей с кучей документов. Но самое примечательное в нём был не возраст или выправка потомственного солдата, а то, что вся левая сторона его лица была обезображена жутким ожогом. И не только лицо, судя по тому, что левая рука висела на перевязи, а ногу он явно подволакивал, не сгибая в колене, жизнь мужика потрепала знатно.

Если бы не знал, что тут обитает завхоз, никогда бы не поверил. Доводилось мне получать вещи в детдоме, там кабинет больше походил на захламлённый склад: везде что-то ле-

жало пачками и упаковками, стояло ящиками или валялось россыпью. И при этом Держиморда, как прозвали нашу завхозиху, вечно жаловалась, что у неё ничего нет, и норовила подсунуть либо уже бывшее в употреблении, либо явно испорченное и списанное. При этом сама она ничего и никого не боялась, особенно детей, от которых ее защищала крыша в лице того же Рябого.

– Ольга Васильевна, я иду на это исключительно из уважения к вам, но прошу, как только будет приказ директора, заполнить все формуляры подобающим образом, – мужчина держался так прямо, будто лом проглотил, и при этом говорил спокойно и уверенно. – Вот, получите. Универсальный повседневный комплект мужской формы размера сорок шесть, уже подогнан по росту, указанному в заявке. Давайте пока что внесём инвентарные номера в журнал, а юноша оденется и перестанет сверкать исподним перед дамой.

В голосе Фридриха Иосифовича звучала сталь привыкшего приказывать человека. Хотя знаков различия на мундире не было, навскидку я бы определил его чин не ниже полковничьего. Да и сама его форма была вроде бы гвардейской, из ближней дружины князя. В неё входили наиболее сильные боевые чародеи, и занимались они, кроме охраны самого правителя, ещё и наиболее сложными случаями прорывов за Стену.

Короче, спорить с этим дядькой мог только полный идиот, а вот особое отношение к учёной я отметил. Не сомнева-

уюсь, что опираясь лишь на инструкции и предписания, старик мог послать лесом любого, вплоть до директора школы. И лишь для людей действительно уважаемых им лично готов был пойти на уступки. А заслужить уважение таких людей, как этот завхоз, явно было очень и очень непросто.

Так что, задавив желание съязвить или позубоскалить, я молчком проскользнул к конторке, подхватил сложенные стопочкой вещи, подобрал с пола ботинки, которые явно тоже предназначались именно мне, и тихонько отошёл в уголлок одеваться.

Вопреки опасениям, мне не подсунули старьё или рванину. Все вещи были новыми и крепкими, однако поразило меня не это. Белая сорочка – вот чтоб мне на месте провалиться! – оказалась шёлковой, а тёмно-зелёные, почти чёрные, брюки и пиджак с золотой оторочкой пошиты из самого настоящего кашемира.

Не то чтобы я разбирался в тканях... Просто у мамы была всего одна вещь, выполненная из этого материала, потому я сумел его опознать. Мамка буквально тряслась над этой своей накидкой, потому как стоила та каких-то совсем уж неприличных денег. А тут подобные шмотки раздают первому попавшемуся оборванцу! Совсем уже зажрались буржуи клановые...

«Либо...» – стрельнула в голове непрошенная мысль, которую я до этого момента старательно гнал прочь.

Либо... ещё не всё закончилось?! Верить в это... хоте-

лось, но я не собирался тешить себя ложными надеждами. Скорее уж, это своеобразная взятка. Да, уверен, что так оно и есть. В конце-то концов, вещички-то явно казённые, а значит, одним комплектом больше – одним меньше... Не из своего же кармана, в самом-то деле! И вообще, откуда местным обитателям знать, что за любую тряпку подобного качества и цены в той же Нахаловке зарежут в первой же подворотне даже среди белого дня.

Хотя, скорее всего, филигранно задушат, дабы не попортить шмотьё. Тупо потому что, продав их, семья сможет расплатиться по долгам, а потом ещё и прожить пару месяцев припеваючи. Если, конечно, к ним самим не придут поинтересоваться – откуда это появились такие деньжищи, много ли их вообще, и не желают ли хозяева добровольно избавиться от столь тяжкой ноши.

Ну и, конечно же, ботинки. Хотя... судя по внешнему виду лакированного носка и задника, это больше похоже на мужские туфли. Или всё же это сапоги... Хрен разберёшь, обычные люди такое не носят, да и голенище с языком, шнуровкой и стягивающими ремешками было практически до колена. В любом случае, эти ботинко-туфле-сапоги тоже оказались совершенно новыми, неразношенными и выделанными из кожи высокого качества, и вполне подходили к остальному костюму.

Впервые за два года я почувствовал себя человеком! Можно было бы сказать, что ощутил себя наследником како-

го-нибудь клана, но это было не так. Дома я никогда не придавал особого значения цене вещей, предпочитая удобство моде, а в совсем уж юном возрасте и вовсе не заморачивался и носил то, что покупали родители. Только в детдоме осознал всю прелесть нормальной качественной одежды, которая не расплзается на тебе по ниткам, а рукава и штанины одинаковой длины. И ширинку можно застегнуть молнией, а не закалывать булавками, каждый раз рискуя промахнуться и прихватить не то, что нужно.

– Молодой человек, – вырвал меня из размышлений голос завхоза, как оказалось, внимательно наблюдавшего за тем, как я шнурую ботинко-туфле-сапоги. – Ботосы по форме надеваются поверх заправляемых в них штанин. Это не парадные туфли, а вселандшафтная обувь, сразу приучайтесь одеваться правильно, чтобы не ходить потом с грязными штанами.

– Правда, что ль? – очень удивился я.

– Естественно, – коротко кивнул мужчина и, хмыкнув, добавил: – И воздержитесь, пожалуйста, от шуточек по поводу пиджака, заправляемого в штаны.

– Да я и не собирался... – замялся я, хотя действительно чуть было не ляпнул нечто подобное.

– Ну-ну... – пробормотал он. – Штанину подворачивайте с внутренней стороны ноги. Не бойтесь замять ткань, если вы всё сделаете правильно, залома не будет.

– Вот, теперь на человека стал похож, а не на бандита с

большой дороги, – Ольга Васильевна, как раз закончившая заниматься бумагами, довольно улыбнулась, глядя, как я переобуваюсь. – Ещё раз спасибо за помощь, Фридрих Иосифович. Как только оформим документы – я сразу к вам. А теперь, Антон, пойдём посмотрим, насколько сильно ты отстал от нашей учебной программы.

– А вам это зачем? – честно говоря, я даже не сразу сообразил, чего от меня хотят.

– Ну как же! Надо же понять, что с тобой делать. Был бы ты из обычной школы, проблем бы не было. Но, извини, что-то мне не верится, что в вашем детдоме кто-то вообще уделял достаточное внимание качеству твоего образования, – говоря это, учёная вела меня по широкой лестнице на верхние этажи здания. – А значит, нужно определить, с какими предметами будут наибольшие проблемы, и сумеешь ли ты нагнать остальных. Если бы решала я, то оставила бы тебя ещё на год в восьмом классе. И знания бы подтянули, и с энергосистемой поработали. Но, к сожалению, не думаю, что Лев с Егором сумеют вытрясти из таганских бандюков сумму, достаточную для оплаты сразу двух лет обучения. А значит...

Чего там это значит, я уже не слушал. Новости просто били по голове пыльным мешком. «Пиджаки», оказывается, разводят братву на бабки мне на учёбу! Понятно, что после такого на Таганке мне лучше вообще не появляться. И не только в Нахаловке, а вообще! Прирежут, как пить дать, про-

сто чтобы вернуть себе авторитет.

Но всё это значит ещё более невероятную вещь – я остаюсь тут! Я буду учиться и стану чародеем! Значит, у меня есть потенциал, пусть и нераскрытый, раз с ним надо работать. Я почувствовал, как улыбка непроизвольно вылезает на моё лицо.

– Рано радуетесь, юноша! – Ольга Васильевна, хотя и старалась выглядеть грозно, но глаза выдавали, что она довольна не меньше моего. – Посмотрим, как вы тесты сдадите...

– Сдам! Всё сдам! – такие мелочи остановить меня были не в силах. – Я учил! Сам, по учебникам! Правда, у меня не все были... Но алгебру, геометрию и физику знаю хорошо.

– Энтузиазм – это замечательно. Он тебе очень понадобится, так что постарайся его не растерять, – женщина постучала в дверь с надписью «Директор Очиров Баяр Жумбрулович» и, не дожидаясь ответа, открыла её. – День добрый. Вот и мы.

В просторном кабинете за длинным Т-образным столом обнаружили двое: мужчина и женщина. Последняя ничего особого собой не представляла – типичная училка, даже, скорее, директриса, да к тому же ещё и старая. Волосы с проседью, закрученные в пучок, строгий костюм, очки в роговой оправе, как говорится, кто видел одну – видел всех.

А вот мужик был самым необычным из всех, кого я здесь лицезрел, с лёгкостью переплюнув даже завхоза. Пожилой азиат, скорее всего, бурят или якут, с копной нечёсанных бе-

лоснежных волос, спускающихся гораздо ниже плеч, окладистыми усами и бородой всё того же цвета, одетый при этом в белый халат, подпоясанный кушаком, и с длинными деревянными бусами на шее. Сам бы не увидел – никогда бы не поверил, что директором заведения такого уровня может быть подобный индивид.

«Хм... Учитывая меня самого, я бы сказал, что в этой школе какое-то неприлично большое количество «бело-пепельно-седых» персонажей, – подумал я, проходя в кабинет. – А ведь я как-то даже привык к тому, что раньше был весь из себя такой уникальный с необычным колером...»

– Итак, позвольте представить, Антон Сергеевич Каменский, девятьсот седьмого года рождения. Последние два года воспитывался в детском доме номер тридцать два восемнадцать, расположенном в Таганском переулке нулевого яруса. До этого жил с родителями на втором ярусе в районе Замоскворечья, – Ольга Васильевна выдвинула меня вперёд. – Как я уже говорила, очень интересный случай патологии ядра. Однако я верю, что мы сумеем в ней разобраться, и этот юноша станет достойным членом чародейского сообщества нашего полиса.

Что мне понравилось: в глазах разглядывающих меня людей я не увидел презрения. Уж не знаю, то ли тут знать отличалась повышенной дружелюбностью, то ли форма сделала из меня человека, ведь, как известно, «встречают по одежке», но смотрели на меня не как на донную крысу, выполз-

шую на свет, а как на человека – доброжелательно, с лёгким любопытством, дескать, так вот ты какой, северный олень!

Я даже почувствовал, как волнение, охватившее меня ранее, отступает, и становится легче дышать. Коротко поклонившись, я вытянулся во фронт, как учил отец, решив всё же помолчать. Ляпну ещё чего... а так, глядишь, и за умного сойду.

– А это – директор нашей школы Баяр Жумбрулович и заведующая учебной частью Артемида Бореславовна. Они оценят твои знания и примут окончательное решение, так что постарайся им понравиться, – Ольга Васильевна улыбнулась и слегка подтолкнула меня в спину. – Садись. А я пока пойду. Наберёте меня, как закончите, хорошо?

– Да, конечно. А вы, юноша, не бойтесь, мы не кусаемся, – голос у директора оказался под стать внешности: низкий, ухающий, навевающий мысли о древних сказителях и почему-то филинах, только вот речь его была, как говорила мама, академической. – Однако, прежде чем вы начнёте работу над тестом, мне хотелось бы кое-что у вас спросить.

– Ко мне можно и на «ты», – выдал я неожиданно для самого себя. – Я всё-таки значительно младше вас, чтобы вот так...

Баяр Жумбрулович кивнул, слегка улыбнувшись, поднялся и прошёлся вдоль стены с окнами. При этом он заложил руки за спину, словно о чем-то раздумывая. На ногах у него обнаружили широкие штаны всё того же уже набившего

оскомины белого цвета и мягкие кожаные сапоги, даже, скорее, высокие чуни, но явно из очень дорогого материала. Я терпеливо ждал, когда директор, наконец, утомится и задаст свой вопрос. При этом страха не было – вряд ли кому-то здесь удастся найти нечто такое, чего я могу испугаться или застесняться. Главное, не мандражировать. А остальное – да спрашивайте бога ради!

– Я хочу, чтобы ты заглянул в себя и дал мне ответ, готов ли ты занять место в нашей школе, – директор остановился и упёрся в меня взглядом. – Не спеши, подумай. Позволь, я для начала объясню подоплёку подобного вопроса. Пони-маешь ли, чародеи – это, прежде всего, щит человечества. Именно они стоят между людьми и лезущими с планов пер-востихий духами, а также всевозможной нечистью, теми по-рождаемой. Можно много говорить о несправедливости по отношению к неударённым, о том, что чародеи узурпирова-ли власть, творят беспредел и прочем, но неизменным оста-ётся только одно – когда приходит беда, именно они стано-вятся теми, кто грудью прикрывает город и его простых оби-тателей. Потому что это долг! Долг каждого чародея и кудес-ника, и это то, чему мы учим здесь детей.

Старик замолчал, продолжая буравить меня взглядом, де-скать, понял ли, проникся? Да, почему нет. Чем это отлича-ется от моей прошлой жизни? Да ничем по большому счё-ту. Привилегии в обмен на лояльность и обязанность при необходимости рискнуть головой. А духов ли бить или бан-

дитов – это уже дело десятое! Первых даже проще: они не люди, к ним, в принципе, жалости нет, да и быть не может.

– Вижу, ты осознал важность чародеев и их предназначение, а теперь задумайся вот над чем. Думаю, что до сего момента ты редко когда сталкивался с одарёнными? Вот и хорошо. Чародеи и кудесники – маги, если брать западную классификацию, – предпочитают жить в более комфортных условиях, это так. Но основная причина не в этом. Дело в том, что одарённых катастрофически мало. На одного мага, вне зависимости от силы, приходится не менее пяти тысяч обычных жителей. Кроме того, подготовка чародея чрезвычайно дорога и сложна, а жизнь его опасна и может оборваться в любой момент. Становление чародея требует усердия, сдержанности и, что наиболее важно, времени. Одарённые развиваются всю жизнь, тренируясь каждый день, из года в год совершенствуя себя. Так вот, я хочу, чтобы ты заглянул в себя и ответил, готов ли ты занять место другого ученика в нашей школе? Готов ли взвалить на себя такую ответственность? Не просто в нужный момент встать на защиту полиса, а готовиться к этому, развивая все свои силы и возможности, чтобы во время беды не стать обузой и погибелью для доверившихся тебе людей?

– Если позволите, я поясню, – в разговор вступила завуч и, похоже, что «тыкать» мне, в отличие от дедка, она не собиралась. – Уважаемый Баяр Жумбрулович хочет, чтобы вы осознали своё сегодняшнее положение и ответили так, как

велит сердце и разум. Мы верим словам Ольги Васильевны о том, что в вас скрыт великий потенциал. Однако вынуждены подчиняться правилам. А они звучат однозначно: подготовка нескольких чародеев средних способностей для города более важна, нежели обучение одного, но сильного. Поэтому мы просто не можем взять вас в восьмой класс – он полностью укомплектован. А в выпускном вы будете обязаны в конце года пройти испытание на общих основаниях. Вне зависимости от того, каких результатов сумеете добиться в деле развития своих чародейских способностей. Чтобы исключить недопонимание, оно проводится здесь же, у нас, на участке леса, специально заселённом духами. Обычного человека там, несомненно, ждёт скорая смерть. Да, это жестоко, и далеко не все выпускники выживают во время испытания, но поступать иначе будет предательством людей, доверивших нам свою безопасность.

«Они что? Хотят напугать меня тем, что есть шанс свернуть себе шею? – даже как-то удивился я. – Или эти двое так и не поняли, кто я такой вообще и откуда...»

– Верно, – опять загудел директор. – А чтобы выбор шёл именно от сердца, обещаю, в случае, если сочтёшь, что твоих сил или уверенности в успехе недостаточно, чтобы стать чародеем, мы устроим тебя в хорошую школу-интернат на верхних ярусах. Да хоть в тридцать первую! Уровень подготовки по общеобразовательным предметам там даже выше, чем у нас. А по окончании можно без проблем посту-

пить в любую академию, а если немного постараться, то и стипендию получить. Так что, будь добр, сейчас подумай и скажи, готов ли ты поставить на кон всё, что имеешь, даже самую жизнь, ради шанса оказаться чародеем.

Честно говоря, такой постановки вопроса я не ожидал. Нет, понятно, что будь я обычным ребёнком, да хоть самым собой два года назад, то непременно бы задумался: рискнуть всем, с высокой вероятностью не просто проиграть, а сдохнуть, или забыть не только о чарах, но и об ужасах Нахаловки, которые я тогда только-только успел хлебнуть полной ложкой. Жить как раньше спокойной, размеренной жизнью, пусть и без родителей. И ведь, скорее всего, я бы смалодушничал и выбрал второй вариант.

Сейчас же? А смогу ли я получить стипендию? М-м-м... уверен, что да. Мама дала мне самое важное. Не вбитые в голову знания, а умение и желание учиться. Так что даже после двух лет на дне я не сомневался, что легко нагоню остальных. Не боги горшки обжигали, в конце-то концов.

Другое дело – магия, как назвал её директор. Здесь многое будет зависеть даже не от меня, а от Ольги Васильевны. Вдруг у неё не получится раскачать мой источник? Или просто не хватит времени чему-нибудь научить? Да мало ли что – вся эта область была для меня мутными водами, и какие подводные камни могли ещё там скрываться, я даже не представлял. Да и в другом они были полностью правы: местные выпускники почти десять лет изучали то, что необходи-

мо знать чародею. А я даже обычную градацию духов с трудом себе представлял. Не говоря уже об отличиях их между собой и методах борьбы.

Хоть я и не испугался якобы «страшно опасного экзамена», тем не менее задумался: может, плюнуть на всё, закончить обычную школу и стать даже не механиком, а инженером? Устроиться в какую-нибудь гильдию, а то и в клан – хорошие специалисты везде нужны.

Жениться, завести детишек и забыть Нахаловку, как страшный сон. Или всё же рискнуть с возможностью погибнуть и не ярко сгореть, совершив подвиг или что-то подобное, а тихо и безвестно сгинуть в лесу на испытании или загнуться от перенапряжения, стремясь во чтобы то ни стало догнать одноклассников. Или потом подставить ту самую грудь во имя всего полиса... Кажется, выбор, если рассуждать логически, настолько прост, что его и нет совсем.

Я мысленно усмехнулся. А ведь, по сути, так оно и было! Я всё решил, ещё когда летел сюда, и сейчас не размышлял и колебался, а просто перебирал некоторые, уже закрытые для меня варианты. Потому как дал себе слово, что если будет хоть малейший шанс стать чародеем – я вцеплюсь в него зубами. И буду рвать всех, пытающихся помешать мне, не хуже, чем несколькими днями раньше Валялу.

Просто потому что понял одну простую истину: в нашем мире только чародей может быть абсолютно свободен. Только если ты будешь силён, тебя не обманут, не предадут, твои

дети не отправятся в бардак живыми игрушками престарелых извращенцев или на корм донным крысам. Остальное всё – полумеры! Никакие знания или умения не защитят тебя, если твой противник – так называемый маг. Так что да! Выбора по сути не было.

– Я стану чародеем и пройду испытание! Вот увидите! – мой голос звучал хрипло, но достаточно уверенно... как мне показалось.

– Тогда добро пожаловать! – широкое лицо директора расплылось в улыбке.

Глава 4

За окном класса чирикали птички, где-то в помещении жужжала одинокая муха, мерно тикали большие круглые часы, висящие над портретом какого-то мужика. Звонко скрипнул чуть подвинутый стул под чьим-то сидением, и кто-то процокал каблучками туфелек по коридору.

– Хм... ну... Большое количество чародеев и обычных людей, собранных в одном месте, вроде как привлекает внимание духов, и они скапливаются перед стенами полисов. В зоне отчуждения, – я стоял, мучительно выковыривая из памяти знакомые вроде бы формулировки, но почему-то вместо много раз читаного текста выходило невнятное мычание. – Однако это же позволяет организовать в городах максимально эффективную оборону...

Бросив быстрый взгляд на учительницу и не заметив на её лице особого раздражения, я немного воодушевился и продолжил:

– ...Поскольку духи, как и одержимые ими существа, в большинстве своём не способны к самоорганизации, то в основном нападения носят разрозненный и спонтанный характер. Чаще всего, не обладая особым разумом, они просто прут напролом, так что отбить подобные атаки не составляет особого труда, несмотря на размеры и личную мощь противников. Редкие же массовые прорывы или тем более еди-

нические вторжения разумных и сильных монстров обычно успешно купируются совместными действиями элитных частей гвардии князя и дружин кланов.

Закончив говорить, я едва заметно выдохнул. Хотя я и считал себя готовым вновь сидеть за школьной партой, организм, как оказалось, успел привыкнуть к ненапряжному существованию в детдоме, и сейчас мозги напоминали старый механизм с давно высохшей смазкой. Шестерёнки вроде бы вращались, но делали это крайне неохотно и с жутким скрипом.

– Хорошо, но что послужило причиной формирования такого образования как полисы? – историчка говорила дружелюбным тоном, но, судя по скептически приподнятой правой брови, в ответе моём было далеко не всё так гладко, как хотелось бы, и становилось понятно, что натягивать оценку она точно не будет. – Вот ты говорил про то, что духи реагируют на скопление людей. Но города-государства появились не так давно – всего-то с тысячу лет назад. Как же до этого защищались от монстров, и почему человечество всё же решило объединяться в подобные крупные образования?

Я, конечно, ожидал, что меня могут сегодня спросить, точнее, не верил, что удастся тихо отсидеться... но не думал, что это будет в самом начале первого же моего урока в этой школе. Вот так вот! С корабля на бал, быка за рога – и понеслась!

И ведь, как назло, все дельные мысли, словно мыши, раз-

бежались по тёмным уголкам извилин мозга и совершенно не стремились собираться в кучку, помогая зарабатывать очки репутации в новом коллективе. Самое поганое, что именно эту тему я как раз и учил перед той приснопамятной дракой с васильковскими... а теперь мне оставалось буравить взглядом пол и краснеть.

Оправдываться и мычать что-то вроде «я учил!..» было просто по-человечески противно! Да и за последние два года я как-то отвык от подобной практики. С одной стороны, преподав в детдоме подобное вообще не трогало, зато со стороны детей вполне могло послужить началом больших неприятностей. Дескать, гнёшься перед училкой, значит, и нам шестерить будешь! А с другой – что самое смешное, там я всегда находил, что ответить даже на самый каверзный дополнительный вопрос. Так что ни разу не попадал в подобную ситуацию.

– Хорошо. – Надежда Игоревна, учитель истории, так и не дождавшись чего-либо, вздохнула и что-то отметила в журнале. – Кто хочет продолжить?

– Можно я? – девичий голосок прямо-таки сочился энтузиазмом.

– Светлова? Пожалуйста.

Со второй парты правого ряда поднялась невысокая девушка с длинными белоснежными волосами. Да, та самая Дарья из лаборатории оказалась в моём классе и была свидетельницей моего позора. Закон подлости во всей красе!

Можно сказать, эталонный случай.

И, естественно, промолчать эта стерва не смогла. Я хорошо запомнил её прощальный взгляд. В детдоме я уже видал такие. Будет мстить до потери пульса, несмотря ни на что. Вот и сейчас вылезла... Блин, в упор не понимаю, что за муха её укусила?

– Духи издревле соседствовали с людьми. Однако до определённого времени встречались редко и были слабы. Учёные объясняют это тем, что границы между миром людей и планами первостихий в те времена были прочнее, а сами они располагались далеко друг от друга, – Белоснежка тараторила как по писаному, демонстративно не глядя в мою сторону и изображая из себя прилежную ученицу. – Эти времена называются «Эрой Преданий», они же считаются эпохой становления современного человечества и окончательного исчезновения древнейших видов людей...

«Ну, это, блин, и я знаю! – мысленно фыркнул я, буравя взглядом затылок беловолосой. – Она бы ещё “Эпоху Богов” приплела, когда якобы люди и духи были единым целым и жили в мире, а по земле толпами бродили волшебные звери! Блин... А красивый у неё голосок! Если бы ещё его обладательница не была такой лютой стервозой...»

– ...Во времена последующей так называемой «Сказочной Эры» границы между реальностью и планами начали уменьшаться, и агрессивные духи стали проникать в наш мир, – говорила девушка уверенно, и я бы, наверное, заслу-

шался, если бы всё это время не вынужден был стоять столбом. – Именно из-за истончения стен между мирами появились первые чародеи, которые смогли создать примитивные защитные печати. Этого оказалось достаточно для защиты малых поселений и кочевых племён.

– Молодец, Дарья, продолжай.

– В «Золотую», «Бронзовую» и «Железную» эпохи люди продолжали развиваться и постепенно расселились на огромном пространстве нашего материка, а также проникли на другие континенты, создав там свои уникальные цивилизации, – девушка замолчала, переведя дух, и продолжила: – Однако примерно тысячу триста лет назад, в «Эпоху Героев», во время так называемого «Парада Планов» границы миров окончательно истончились, и к нам хлынула масса духов разной силы. Какое-то время чародеям удавалось сдерживать их на границах многочисленных поселений, но затем произошло то, что теперь принято называть «Жором». Хотя у этого явления существует ещё множество других более красивых названий.

Как назло, вместе со словами бешеной девицы воспоминания о материале выползли из тёмных закоулков извилин, где прятались до сей поры, и запросились наружу. Впрочем, влезть сейчас – означало выставить себя на ещё большее посмешище. Оставалось лишь прокручивать их в голове, чувствуя себя идиотом, который не смог рассказать такую вроде бы простую вещь.

– Учёные считают, что предпосылкой к нему послужил «эффект критической массы». Духи и захваченные ими одержимые скопились в достаточном количестве, чтобы прорвать защиту. Затем, «отъевшись» на новых жертвах, устремились к следующим поселениям, вбирая в себя всё новых тварей. В итоге вал монстров прокатился по землям старых княжеств и прочих былых государств, уничтожая их одно за другим, – Дарья умело управляла голосом, нагнетая обстановку. – Однако люди смогли объединить усилия и остановить волну «Жора». Для этого были созданы города-крепости, вроде Старой Москвы. Количество чародеев, живших в них, было достаточным для обороны и очистки близлежащих земель, а неодарённых – для комфортного проживания населения.

– Хорошо, – кивнула Надежда Игоревна. – Что-то ещё?

– Да. Со временем из-за постоянных атак духов, как их начали называть, полисы появились по всему миру и выросли в несколько десятков раз, окончательно выделившись в объекты нового государственного образования и вытеснив такие анахронизмы, как «древние страны». Вокруг них появились зоны отчуждения – места, где скапливались духи и монстры, стремящиеся попасть в город, после чего превентивно уничтожались, – неужённая девица всё никак не желала останавливаться, хотя, как по мне, училка уже ясно дала понять, что ей стоит закругляться. – Одним из ярчайших примеров сильного современного полиса можно считать Москву. По-

сле уничтожения старого поселения в конце «Эпохи Героев» и возрождения нового города её нынешний размер составляет не менее трёхсот километров в радиусе, и в ней проживает огромное количество народа! Именно поэтому полисы обычно стоят на расстоянии не менее полутора тысяч километров друг от друга, успешно «перетягивая» на себя случающиеся иногда прорывы духов и не позволяя им свободно собраться в новый «Жор». Благодаря этому между городами в свободных землях тоже живут люди, благоденствуют фермы и небольшие поселения, малопривлекательные для сильных монстров. Обычно они относятся к тому или иному полису, который берёт на себя их защиту!

– Всё верно. Садись, отлично! Могу добавить, что в учёной среде регулярно возникают слухи о Супер-Жоре, способном снести целый полис. В качестве примера обычно приводится Константинополь – полис, выросший из древнего города на берегу Чёрного моря и разрушенный в пятьсот тридцать втором году от Парада планов. – Учительница подошла к висевшей на стене карте и ткнула указкой в место, где раньше жили люди, а теперь остались лишь руины, наполненные монстрами. – Но это не совсем верно. Для опровержения этой теории достаточно фактов, указывающих на то, что больше ни один полис не пострадал. Причины же падения данного города мы будем разбирать во втором полугодии.

Проществовав к столу, женщина села на своё кресло и

внимательно на меня посмотрела.

– И вы садитесь, молодой человек. Ставлю три, с учётом сложностей с вашим переводом – Надежда Игоревна потянулась занести отметку в журнал.

– Не стоит! – в горле пересохло от волнения, и мой голос звучал будто карканье. – Мне не нужны поблажки!

– Антон, – голос учителя звучал спокойно, – можешь быть уверен, моя оценка объективна. Мне не нужны насильно вбитые в голову знания, откуда они выветрятся через два дня после экзамена.

Вздохнув, она отодвинула журнал и, откинувшись на спинку, обвела класс взглядом.

– Я хочу, чтобы каждый из вас проник в самую суть того, что мы вам даём. И этого же желают и остальные учителя данной школы. Вы слишком ценны для полиса, чтобы делать из вас заводных кукол, способных лишь повторять определённые действия, – она вновь посмотрела на меня. – И в данный момент я ставлю тебе оценку за то, что даже под воздействием сильного стресса ты сумел сформулировать основное определение. Но это не значит, что ничего учить тебе не надо. Наоборот! На твоём месте я бы озаботилась дополнительными занятиями. Испытание испытанием, но выпускные экзамены никто не отменял. Садись.

Я буквально рухнул на стул, чувствуя, как полыхают уши. От лица вообще прикуривать можно было. Казалось, даже воздух вокруг головы в значительной мере нагрелся. Вот,

блин, кто просил меня раскрывать рот? Позорище!

Ладно, не ответил ничего, так ещё полез со своей гордостью. Типа, или по-моему, или никак. Идиот! Как теперь смотреть в глаза Надежде Игоревне буду? Хотя... есть вариант. Она же сама сказала насчёт занятий. Единственное, прежде чем переться к ней, дескать, учите меня, я весь ваш, надо провентилировать вопрос с расписанием. Чтобы не получилось так, что я притащусь сюда, а у меня будет какой-нибудь урок, да и про Ольгу Васильевну забывать нельзя.

От души потерзаться муками совести мне, однако, не дали. Надежда Игоревна принялась объяснять новую тему, и, честно говоря, уже через пару минут я забыл о произошедшем, заслушавшись. Новейшая история полиса, то, что происходило последние сто лет, буквально оживала перед глазами. Ссоры кланов, особо крупные нападения монстров, даже «Прорыв», о котором я никогда раньше не слышал. Похоже, специально для меня учитель повторяла вводный урок, но возмущаться никто и не думал! Вот что значит уметь увлечь учеников. Мама была такой же, только преподавала математику.

Под звуки колокола записав домашнее задание в новенький дневник, я вдруг понял, что не знаю, что делать дальше. В детдоме мы сидели всегда в одном и том же классе, и к нам приходили разные учителя. Раньше, дома, мы сами таскались из кабинета в кабинет, следуя расписанию. Такой подход мне нравился больше, хотя бы потому, что позволял

разместить в помещении наглядные материалы и пособия, да и выглядели такие классные комнаты очень внушительно.

Здесь вроде бы всё было примерно так же. Надпись на дверях «Кабинет истории» прозрачно намекала, что литературу тут не преподают и уж точно не занимаются спортом. А вот где всё это делают – для меня пока оставалось загадкой. Тем более что следующим уроком значились таинственные «Основы Чародейства».

Перемена оказалась маленькой – всего-то пять минут. Этого вроде бы за глаза, когда всё находится рядом, и ты знаешь куда бежать, но явно мало, чтобы посетить все пять этажей лабиринта, названного учебным корпусом. Казалось бы, проблема не стоит и выеденного яйца – просто иди за одноклассниками – и всё... Однако тут был очень тонкий момент.

По опыту детдома я знал, что относиться к тебе будут так, как ты себя поставишь. Начнёшь как телок тыкаться туда-сюда и мычать типа, покажите-отведите, так им и останешься в глазах окружающих. Может быть, народ здесь и не такой озлобленный, как на нижних уровнях, однако пример беловолосой наглядно показывал, что люди везде одинаковы. А я своей репутацией дорожил и терять её не собирался.

– Привет! Тебя же Антон зовут? А меня Нина! Это ведь ты новенький, о котором все говорят? – прерывая размышления бодрым и оптимистичным до зубного скрежета голосом, надо мной нависла девица с ярко-алыми, словно пламя, волосами и улыбкой от уха до уха. – А правду говорят, что

тебя к нам прямо из «Бутырки» привезли, где ты десять лет отсидел, и поэтому тебя на способности не проверяли? И всё тело у тебя в шрамах от пыток. А Дашка такое рассказала...

Я аж опешил от обрушившегося на меня напора одноклассницы и окутывающей её ауры позитива. Вот честно скажу, другого за такие предьявы сразу отбрил бы, послав по известному адресу в пеше-эротическое путешествие... Но, честно говоря, взглянув в большие и наивные жёлто-оранжевые глазищи девчонки, просто не смог этого сделать и вдруг ляпнул:

– А... Как это я там в пять лет оказался?

Девочка замолчала и, нахмурившись, задумалась, похоже, этот вопрос еще не заползал в её огненноволосую головку. Впрочем, мыслительный процесс продлился недолго.

– Нинка! Отстань от человека! Даже у нас от тебя ум за разум заходит, а ведь мы привыкли за столько лет, – в сыплющийся со скоростью армейского пулемёта монолог вклинился высокий худой парень, с первого взгляда показавшийся мне немного странным, хоть я и не понял почему. – Здорова. Я Ульрих фон Либтенштайн.

– Эм... Привет, – выдал я, чувствуя себя не в своей тарелке. – Интересное у тебя имя...

– А-а-а... Родители переехали из полиса Кёльн, – отмахнулся парень, видимо, уже давно привыкший к тому, как на него реагируют новые знакомые. – Можешь звать Уль или Шмель – не обижусь, привык. Ты, скорее всего, не знаешь,

куда идти дальше? Давай с нами, а то мастер Мистерион сильно не любит опоздавших.

– Хм... А почему «Шмель» и «Мистерион»? – в детдоме существовала «прописка», когда бугор нарекал новичка погонялом, но вряд ли здесь было так же, к тому же, если дали прозвище учителю, зачем было звать его мастером? – Что за погонялова-то такие?

– А это я придумала! «Шмель» – потому что «пчёлы», а «пчёлы» – потому что «улей», ну а «улей» – потому как «Ульрих». Здорово, да?! – Нина аж запрыгала, хлопая в ладоши, радуясь своей сообразительности. – А мастера Мистериона так и зовут Мистерион, он даже в официальных бумагах так записан. Слушай, а правда, что ты убил больше ста человек? И сердца съел?

– Когда бы я успел, если по твоим же словам десять лет сидел в «Бутырке»? В пять лет? – я аж опешил от извивов мысли огненноволосой. – Не, ну бред же! Ничего такого я не делал!

– Просто не обращай внимания. Пошли к нам в подвал. Там «заклинательные покои», как любит выражаться мастер, – Ульрих, не обращая внимания на трескотню Нины, подхватил свой портфель и направился к выходу из аудитории.

Я поспешил за ним. Да, это тебе не детдом, где знакомство с одноклассниками обычно начинается с прямого в челюсть. Правда, в моей старой школе к новичку тоже вряд ли бы кто

подошёл, во всяком случае, в первый же день. Присматривались бы с недельку, перемыли все косточки и только потом отправили бы делегата – обычно эту роль выполняла староста, начинавшая разговор с какого-нибудь плёвого замечания вроде: «Почему у тебя такой неопрятный вид?»

Но второй ярус, пусть даже самый благополучный его район, – он второй и есть. Недаром нас чаще всего называли «контингент», ибо тут были дети или наёмников, или поднявшихся бандитов, слегка разбавленные отпрысками чиновников нижнего звена. Однако последних при малейшей возможности старались перевести на следующий ярус. При всём при этом школа считалась свободной зоной, и тут были запрещены любые разборки старшаков. Мы же вопросы между собой решали сами, зачастую старой доброй дракой на заднем дворе за спортзалом. Интересно, а как это происходит тут?

Пока мы шли, Нина не умолкала, но я уже не вслушивался в то, что она говорит, да и девчонке, судя по всему, ответы не требовались. Зато как только мы оказались в классе, она тут же упорхнула, сев возле серьёзной с виду девушки в очках.

Шмель кивнул, мол, устраивайся, где хочешь. После чего тоже отчалил, заняв место возле толстого парня, рядом с которым сидел и на уроке истории. Остальные ученики быстро рассредоточивались по классу, то образуя группки, то, наоборот, дистанцируясь от всех. Я же, немного поколебавшись, уселся на самом заднем ряду у прохода и принялся

осматриваться.

В принципе, сразу стало понятно, почему учитель или «мастер», как его называют, именует это помещение «залом». В отличие от кабинета, где мы учили историю, и который ничем не отличался от десятков виденных мной ранее, этот класс больше всего напоминал... цирк.

Он был идеально круглым и делился на две равные части: красную и синюю. Именно в таких цветах была выдержана вся отделка помещения: драпирующие стены полотна, ковровые дорожки, проложенные под стульями, мягкие сиденья и спинки. Наш класс, кстати, занимал исключительно алую сторону, не покушаясь на места с другим колером.

В самом низу, в центре помещения, располагалась приличных размеров арена с полом из какого-то тёмно-зелёного материала, там же была установлена большая грифельная доска, свисающая на цепях с тонущего во тьме потолка. За невысоким бортиком, собственно, и начинались ряды длинных, идущих полукругом столов, за которыми сидели ученики. Каждая ступень чуть выше предыдущей. Оставались лишь два прохода друг напротив друга, застеленные тёмно-изумрудными коврами.

Получалось, что сейчас я занял место выше всех остальных, глядя на макушки одноклассников. Непривычно, конечно, но прикольно.

С ударом колокола, обозначающего начало урока, противоположная – синяя – сторона зала медленно померкла и

скрылась во тьме, словно это был кинотеатр в начале сеанса, у нас же освещение не изменилось ни на йоту. Посреди арены сверкнула вспышка, и из пустоты перед доской возник человек.

Честно говоря, сначала я подумал, что, может быть, мы всё же ошиблись с классом и попали в самый настоящий цирк, ибо выглядел появившийся мужчина как угодно, но только не как преподаватель. Тёмно-фиолетовый костюм старинного кроя, обильно украшенный золотой вышивкой, с широкими обшлагами и прочими украшениями. Белоснежная шёлковая сорочка с большим жабо навыпуск и такого же цвета перчатки на руках. На лице полумаска, скрывающая всё, кроме рта, в прорезях глаз сияющие фиолетовым пламенем огни. Короче, антураж подходил для шарлатана, готового на потеху толпе достать из пустой шляпы живого кролика, а затем, вывернув его наизнанку, получить букет цветов.

Однако никого, кроме меня, это не удивило, наоборот, шепотки быстро стихли.

– Встать для приветствия учителя! – звонко произнесла девочка в очках, возле которой сидела Нина.

Наверное, она была старостой класса, потому как примерно тот же ритуал проводился и перед уроком истории. Вообще, когда нынче утром Ольга Васильевна проводила меня в аудиторию Надежды Игоревны и, быстро представив классу, предложила занять любое свободное место, эта девчушка дважды пыталась подойти ко мне, но каждый раз неудачно.

В первую попытку она направилась было в мою сторону, но, поймав недобрый взгляд, резко развернулась и на деревянных ногах удалилась. Ну а во второй – её перехватил один из одноклассников, парень примерно моего роста с волосами насыщенного синего цвета, забранными в длинный хвост, и выражением на лице а-ля, идите все нафиг, я вас не звал!

– Итак... Все на месте? Замечательно. Тогда садитесь, и начнём! – мужчина вскинул руки, и осветительные кристаллы, расположенные на стенах с нашей стороны класса, выдали яркую вспышку, а затем почти погасли, окончательно погрузив кабинет в полутьму, оставляя только неестественно яркую арену. – Мы с вами занимаемся уже довольно давно, но сегодня среди вас появился новичок, и, как мне сказали, он совершенно ничего не знает о магии. Думаю, будет справедливо потратить этот урок на то, чтобы объяснить ему хотя бы основы основ. Но сделать это должны вы сами, ведь повторение, как известно, мать учения! Кто хочет начать?

– Разрешите! – звонкий девичий голосок раздался ещё до того, как учитель закончил свою речь, и кто бы сомневался в том, кому он принадлежал. – Позвольте рассказать об энергетической системе организма?

– Хм! Я думал, что мы начнём с первостихий... Ну да ладно, – Мистерион жестом фокусника взмахнул рукой, и бело-волосую стервочку словно осветили прожектором откуда-то с потолка. – Дарья, прошу.

– Энергетическая система людей, животных, монстров и

даже некоторых видов растений – естественная часть организма с циркулирующей в ней энергией, называемой живицей или маной. У человека или обычного зверя её структура напоминает нервную систему, – девушка элегантно смахнула с лица сползшую чёлку. – В физическом плане энергетическая система не проявляется, так как существует исключительно в виде тонких материй, как и другие незримые обычному глазу структуры вроде той же ауры.

Преподаватель одобрительно кивнул, подтверждая её слова.

– Основным различием нервной и энергетической системы является расположение её центра и, соответственно, группы меридиан, отвечающих за подпитку головы. Ядро – центр системы – находится в районе солнечного сплетения и на материальном уровне защищено нижней частью мечевидного отростка грудины. Из него выходит центральный меридиан, дублирующий расположение спинного мозга, а уже от последнего тянутся ветви, расходясь по телу в виде более мелких каналов, – как и на уроке истории, Белоснежка шпарила, будто по писаному. – Отличие одарённого человека от неодарённого заключается в первую очередь в возможности развития ядра. В то время как у простого человека ядро фактически неактивно и функционирует в замкнутом цикле, поддерживая определённое и постоянное количество живицы, необходимое организму для жизнедеятельности, чародей способен как наращивать количество выраба-

тываемой энергии, так и развивать периферийную структуру меридиан, и в результате получает возможность контролировать живицу.

Мистерион хлопнул в ладоши, доска в центре арены словно... я бы сказал, что она взорвалась изнутри, но это будет неправдой, потому как с ней ничего не случилось, и она как висела, так и продолжила висеть. Однако на поверхности вдруг появились очень изящные и качественные выполненные мелом рисунки, иллюстрирующие то, о чём только что говорила Дарья.

– С помощью своей системы чародей может как напитывать собственный организм энергией, так и создавать так называемые «печати» или «ручные формы», структурируя таким образом живицу в чары. Первое относится к внутренним воздействиям, хотя в некоторых случаях мана может покидать пределы тела, второе же считается внешним воздействием, однако, в свою очередь, тоже может влиять на самого чародея. Примеры: фиксация на вертикальной поверхности с помощью живицы, выпущенной из меридиан стопы, является внутренним воздействием, а чары первостихии «земля», типа изменение вектора гравитации, позволяющие так же пройти по стене – внешним.

– Ну что ж, всё верно. Садись, отлично! – мужчина картинно щёлкнул пальцами – и «прожектор», освещавший Дарью, погас. – Ну а про зарождение магии и первостихии нам расскажет... расскажет нам... Борис!

– А?! – вскинулись сразу два парня: тот самый толстяк, рядом с которым сидел Шмель, и синеволосый с лицом «я вас не звал», в небрежно застёгнутом пиджаке, как раз дремавший на задней парте (но в другом краю нашего сектора).

– Тот, который просто Борис. – Мастер Мистерион указал на доску. – Прошу!

Вызванным оказался сосед Ульриха, в отличие от беловолосой ему не позволили отвечать с места – то ли я чего-то не знал, то ли она была у учителя в любимчиках, а может быть, препод банально не желал тратить иллюминацию на кого-либо, кроме красивых девушек... В любом случае пока Мистерион взмахом руки заставлял схему энергосистемы человека осыпаться, я сделал себе заметку в памяти разобраться, что здесь да как.

«Кстати, надо бы узнать, как зовут второго “Бориса”, чтобы в дальнейшем не путаться, – подумал я. – Да и вообще, заранее провентилировать тему с одноклассниками и, главное, одноклассницами, а также со взаимоотношениями с другими классами. А то вдруг скоро на разборку позовут, а я даже не знаю, за что вписываться буду!»

Толстячок довольно шустро для его комплекции выбрался из-за парты и быстренько спустился вниз, не проявляя каких-либо признаков возмущения творящейся дискриминацией. Мужчина отошёл, я бы даже сказал, отплыл, уступая ему место, а затем совершенно по-простецки уселся на бортик арены и закинул ногу на ногу, приготовившись слушать.

– Ну, это... К первостихиям относится...

– Стоп! Давай с самого начала, с истории зарождения, – Мистериона явно не устроила попытка по-быстрому съехать с темы, и лично я был ему за это благодарен, поскольку не знал предмета от слова совсем.

– Ещё издревле люди заметили, что духи, появляющиеся на Земле, имеют стихийное происхождение. Всего было насчитано одиннадцать видов, которые и получили название первостихии, – было видно, что материал парень знает, и раз не удалось прокатить на шару, вполне может и рассказать, правда, бросая при этом жалостливые взгляды на аудиторию. – Тогда же выяснили, что они составляют пары-антагонисты, равно приложенная сила которых нейтрализует друг друга. Позднее, во время «Парада Планов», удалось точно подсчитать количество этих самых планов, из которых к нам попадают духи. Их оказалось десять. Плана молнии не существовало, однако духи грозы наличествовали. И лишь пятьсот лет спустя научное сообщество чародеев признало электричество первостихией, а её антагонистом была названа «Пустота». Как известно, духов Пустоты, как и чародеев этого типа, не существует, однако все маги вне зависимости от аспекта, так или иначе, владеют «ручными формами» на основе этой силы. Самыми известными являются защитные купола, поглощающие любые на них воздействия.

Борис остановился перевести дух, а я попробовал разложить услышанное по полочкам. Всем было известно, что

кланы состоят только из магов первостихий. Типа они самые старые, сильные и всё такое. Но аспектов на самом деле гораздо больше. Откуда тогда они взялись? Все эти «дым», «тень», «мороз» и так далее...

Маги с этими силами, правда, иногда входили в кланы на правах младших семей, но чаще всего были самостоятельными или же объединялись в гильдии. Там за чистотой силы особо не следили, хотя слышал я и о моноаспектных организациях. Но даже это обычно было продиктовано необходимостью в производстве.

«Э... Стоп! – я чуть не подпрыгнул от внезапно посетившей мысли. – Кланы и всё такое – это, конечно, очень хорошо! Однако... Внимание, вопрос: а я-то что за зверушка такая? Мне Ольга Васильевна говорила очень много умных слов: и про ядро закрытого типа, и про феномен, и так далее. А, по сути, не сказала, оказывается, самого важного: какой у меня, собственно, аспект?! Надо срочно выяснить!»

– Так вот. На данный момент официально насчитывают двенадцать первостихий при десяти планах, образующих шесть пар антагонистов. На схеме это выглядит так. – Борис взял мел и быстренько нарисовал нечто похожее на снежинку, где посередине был шарик – Земля, который пересекали пять линий, заканчивающихся точками (планами). Еще два были означены отдельно внизу и просто соединены между собой. – Перечислю. Свет-тьма, огонь-вода, металл-дерево, земля-воздух, жизнь-смерть и не имеющие своих планов

молния-пустота.

– Всё верно. Именно эти пары вы должны не просто заучить, а выдолбить себе на обратной стороне черепа, чтобы в любой ситуации знать их лучше, чем собственное имя. И совсем не важно, какой оттенок силы у вас лично, – Мистерион говорил жёстко и убеждённо, отчего становилось понятно, что он сам в это верит. – Все вторичные и третичные аспекты несут в себе следы соединения двух или более первостихий, чаще всего сохраняя как их слабости и недостатки, так и достоинства. И помните, чем сложнее «наборный» аспект чародея, тем он слабее сам по себе, а сложность его освоения выше. Тем большим сюрпризом может стать для вас его обладатель, потому как вам будет намного сложнее «взломать» и обнаружить его уязвимости.

Мужчина встал с бортика и пошёл к доске.

– В любом случае всегда можно подобрать печати, эффекты от которых будут наиболее сильными или, наоборот, ударят по уязвимости «прочитанного» вами чародея. К счастью, всё это давно уже сделали за вас, как и разработали наиболее оптимальные составы групп и различные тактики боя. Ваша задача пока – выучить основы, хотя бы как Борис. Садись, отлично!

Толстяк расцвёл и кинулся на своё место. Я же сидел, размышляя над тем, каким образом кланам удаётся сохранить силу первостихии в своём роду. Ведь получается, что если соединить две первостихии, получится новый аспект. Зна-

чит, по идее, они должны подбирать супругов своего же типа силы... но при этом я вроде бы ни разу не слышал о такой свадьбе. Благо, жёлтые газетёнки, доступные жителям дна, буквально обожали копаться в грязном белье клановых, ну а у нас, внизу, новости о жизни богатых и знаменитых скрашивали людям ущербность собственного существования.

Так что вроде как обычно, но всё наоборот. Вон тот же Филипп Грозов – глава сильнейшего в полисе клана молнии и владелец самого большого гарема аж в двенадцать жён – не взял себе ни одной с аспектом электричества. Значит, получается... что слишком многого я не знаю... Даже своего собственного аспекта.

Ну а вообще, за исключением вездесущих газетёнок, скачущих с пятого на десятое, верить которым надо с опаской, до низов реальные сведения о чародеях почти не доходят. А те слухи, что повторяют на рынках, к правде чаще всего имеют ровно такое же отношение, как я к гонкам на летунах Суперкубка Париж-Берлин-Вена-Москва. Да, да, тех самых, в которых до финиша добирается дай бог один пилот из десятка, а многие и вовсе пропадают на трассе вместе с машинами.

– Ну что ж. Мы разобрались с энергетической системой, с первостихиями и аспектами, но делает ли всё это человека чародеем? – мастер Мистериос вновь вышел на середину арены. – Правильно, нет! Маг – это, прежде всего, тот, кто может применять доставшиеся ему силы. Примером может

послужить наш новый ученик.

Преподаватель хлопнул в ладоши, и моё место озарилось светом невидимого прожектора.

– Если вы уже можете считаться заготовками чародеев, то он пока ничем не примечательный обыватель. А всё потому, что просто не может использовать ману. Случайные прорывы не в счёт. Не стоит смеяться, вы все были такими. Это лишь означает, что Антону предстоит много работы...

Луч, повинувшись взмаху руки, погас, а Мистерион мерно зашагал вдоль обращённого к нам бортика арены, продолжая говорить:

– Именно труд делает из человека мага. Если вы прекратите ежедневно разрабатывать кисти, в какой-то момент просто не сможете сложить печать, пальцы не станут слушаться. Забросите тренировки – организм обрюзгнет, и ему станет тяжело проводить энергию по меридианам и ветвям. Прекратите медитации – остановите рост ядра и навсегда останетесь на нижних ступенях иерархии. Лишь глупцы могут считать, что чародеем достаточно родиться! Нет, это труд: тяжёлый, ежедневный, не терпящий слабости, прежде всего, к себе. Лишь тот, кто готов идти по этому пути, может в итоге стать настоящим чародеем. Немного пафосно, но иначе никак. Подумайте над этим до того, как прозвенит колокол, и можете быть свободны. Домашнее задание на доске.

Мужчина исчез в такой же вспышке, что и появился, несмотря на то, что прошло ещё от силы пол-урока. Медлен-

но разгорелся свет. На доске же, непонятно каким образом, действительно появились строчки с текстом, переписав который в тетради, практически все, кроме синеволосого парня, мирно дрыхнувшего на своём месте, уткнулись носом в учебники и зашуршали страницами. Послышались первые разговоры.

Прослушав сказанное учителем, я, хотя и проникся его речью, особо рефлексировать не стал. Это здесь ежедневный труд и тренировки могли показаться чем-то запредельным, но там, откуда я вышел, скажи кому-то, что, дескать, надо поработать несколько часов, чтобы потом есть от пуза – тебе рассмеялись бы в лицо. На фабриках народ, невзирая на пол и возраст, трудился по двенадцать-четырнадцать часов. Так что пахать я был готов и морально, и физически – дома родители тщательно следили, чтобы я всё свободное время посвящал учёбе и тренировкам, в том числе и для того, чтобы не связался с плохой компанией.

Другое дело, что оставленное преподавом задание было не совсем для меня. Глупо надеяться понять что-либо из продвинутого материала, не ознакомившись с основами. Именно по этой причине свою домашку я должен буду получить не на общих правах, а чуть позже у Ольги Васильевны – вместе с конспектами лекций мастера Мистериона. А сдать – лично ему перед следующим уроком.

Во всяком случае, именно так было написано чьим-то убогим почерком на небольшом листочке, мягко спланиро-

вавшем с потолка прямо мне в руки. Хмыкнув, я всё же открыл учебник на первой странице и от нечего делать погрузился в чтение.

Когда в очередной раз прозвонил колокол, я спокойно собрался и вышел из кабинета, вполне уверенный в себе и своей способности сделать всё возможное и невозможное, но стать чародеем. Ульриха не пришлось долго ждать – его долговязая фигура возвышалась над толпой одноклассников, и парню было просто заметить меня, пристроившегося у стены недалеко от лестницы. Он оправдал мои ожидания: махнул рукой, мол, пошли. А вот Нина сразу куда-то сбежала... хотя меня это вполне устраивало.

Всё равно толку от её трескотни не было, только голова начинала болеть.

Следующим уроком у нас значилась сдвоенная физкультура. Со слов Мистериона можно было понять, что ей здесь отведено весьма почётное место, раз от физической формы вроде как зависит проводимость энергоканалов.

Ну что ж, как раз и посмотрим, на что годны местные детишки. В себе я был более чем уверен. Чем заниматься в детдоме? Или шариться по улицам, с немаленьким шансом не вернуться, или бухать и ширяться. Я выбрал третий путь – качался и учился. Правда, никаких снарядов у нас не было, считалось, что нам они не нужны. Так что пришлось импровизировать, соорудив из подручных средств турник, штангу килограмм на сорок и гантели. Единственной проблемой

был бег, но и тут удалось кое-как выкрутиться.

Ульрих привёл меня в мужскую раздевалку, которая располагалась на первом этаже нашего корпуса возле чёрного хода, как раз напротив женской. Со слов Шмеля, занятия проходили в любую погоду и всегда на открытом воздухе, хотя под куполом даже дождь не так уж и льёт. А вот спортивная одежда, обнаружившаяся в шкафчике с моим именем, немного удивила. Выглядела она, скорее как военная форма, только выполненная из материала качеством даже выше пресловутого кашемира (какого-то скользкого на ощупь, хоть на деле это было не так).

Плюс ботинки – всё те же вчерашние, которые сегодня с утра я оставил в медблоке, где спал. На ночь меня закрыли на карантин в боксе, напоив какими-то лекарствами, а поутру вместо довольно удобных, но громоздких ботинок, принесли лёгкие тряпичные тапки на резиновой подошве. Как оказалось, именно они были повседневной обувью учеников, а «берцы», как я назвал для себя ту обувь, были предназначены для тренировок и выходов за территорию школы. То есть на улицу. До общаги же можно было дойти по крытым переходам.

Переодевшись, мы всей гурьбой высыпали на спортивную площадку. Хотя назвать так то, что я увидел, язык не поворачивался. Тут была не банальная беговая дорожка с парой турников и брусьев. Нет, здесь разбили целый полигон с полосами препятствий разной сложности, всевозможными

приспособлениями зачастую незнакомого мне назначения и даже настоящей, хоть и небольшой, ареной для поединков.

Короче, всё, что душе угодно, выбирай на любой вкус. И почему-то у меня закралось смутное подозрение, что вскоре я возненавижу это место – уж слишком выразительны были морды моих одноклассников.

Перемена оказалось достаточно большой, чтобы весь класс успел переодеться. Даже девочки, которым требовалось время, чтобы навести красоту. Я, правда, никогда не понимал зачем, ведь после физических упражнений всё растреплется, испачкается, короче, они ничем не будут отличаться от тех же парней, но нет, каждый раз, вне зависимости от того, где это было, какого они возраста и социального положения, девицы вели себя абсолютно одинаково. Загадка природы, наверное.

Учитель появился с первым ударом колокола. Видимо, здесь так принято. Только этот не возник во вспышке света, как Мистерион, а пришёл пешком. И слава Богу! Появись передо мной такой детина внезапно, мало ли что могло произойти.

Я не трус, но глядя на двухметрового с антресошкой здоровяка, с такой шириной плеч, что в двери ему приходилось протискиваться боком, почувствовал себя не в своей тарелке. А если учесть, что он при этом оказался ещё и закован в цельнометаллический боевой доспех гвардии какого-то незнакомого клана... Его стальные одёжки оставляли

свободными лишь шею с головой и почему-то одну руку по плечо и выглядели ничуть не менее экстравагантно, нежели костюм Мистериона или прикид нашего директора. Вдобавок, физрук был медно-рыж от макушки с небольшими залысинами до кончиков ухоженных усов, топорщащихся над неожиданно вовсе не квадратной, но вполне себе волевой челюстью.

Короче, этот господин отличался весьма колоритной внешностью даже на фоне многих чародеев, с их подчас очень необычными физическими проявлениями аспекта.

– Стройся! Смирно! – голос у мужика был под стать – громкий и гудящий, словно шёл из бочки. – Здравствуйте, господа курсанты!

– Здравия желаем! – быстренько выстроившись по росту, мы дружно рявкнули в ответ, даже девицы не оплошали, а уж я, натасканный отцом, тем более – шустро нашёл своё место да и глотку рвал наравне со всеми.

– В классе новенький, и сегодня учителя старались вас особо не напрягать, повторяя основы. Не будем ломать традицию, – лицо физрука расплылось в предвкушающей улыбке. – Сейчас быстренько пробегаем десять кругов, а затем то, что вы больше всего любите! Показательные поединки!

Судя по дружно вырвавшемуся стону, их здесь действительно обожали. Интересно почему? Но, думаю, вскоре я это узнаю. Главное сейчас не опозориться на пробежке. Всё же, хотя в детдоме я и старался бегать, подстраиваясь под дви-

жение патрулей, но происходило это не так часто, как хотелось бы. Дай бог, если пару раз в неделю. Чаше обходился двором, чтобы мышцы совсем форму не потеряли.

Круги оказались немаленькими. Это я по наивности подумал, что мы ограничимся спортивной площадкой. Ан нет! Пришлось оббегать всю территорию школы – с корпусами, общежитиями, лабораториями и прочим.

По моим прикидкам, каждый круг тянул метров на семьсот-восемьсот. Да ещё и берцы оказались хоть и довольно удобными, но тяжеловатыми, явно созданными не для бега. Вот по грязи я бы в них с удовольствием походил – сразу было видно, что именно в этом их истинное предназначение, – но имеем то, что имеем, и мне пришлось бухать по дорожке наравне с остальными. Вот только моим одноклассникам, казалось, неудобная обувь проблем не доставляла, даже девочкам, но, скорее всего, они просто привыкли за столько-то времени.

Где-то круге на пятом я почувствовал, что начинаю сдавать. Мимо уже пробегали те, кто стоял в шеренге за мной, а затем и прекрасный пол подтянулся. Лёгкие горели огнём, воздуха не хватало, второе дыхание где-то задерживалось, и я переставлял ноги чисто механически... пока не услышал презрительный хмык, а мне по глазам чуть не стеганули длинные белоснежные волосы.

И мгновенно всё изменилось.

Силы вернулись скачком! Боль прошла, дышать стало лег-

ко, как на старте. Я рванул вперёд, набирая скорость и оставляя позади и белоснежную стерву, и многих других... чтобы тут же быть выдернутым из строя крепкой рукой физрука.

– Антон Каменский? Кто бы сомневался, – рыжий великан легко удерживал меня в воздухе, словно я был куклой. – Запомните, юноша, несколько правил. Если я сказал «бежать», вы бежите, пока я не скажу «хватит». И делаете это без применения живицы.

– Э... – я с удивлением посмотрел на него. – Какой-такой живицы? Я разве...

– Хм... Какой-какой – обычной! – усмехнулся мужик. – Для тех, кто не понимает с первого раза, у меня есть вот эти игрушки.

Меня отпустили, но я и глазом не успел моргнуть, как на руках, ногах и вокруг пояса защёлкнулись металлические кольца. Инстинктивная попытка снять их ни к чему не привела, зато мгновенно навалилась усталость. Словно спустили воздушный шарик, даже колени подогнулись.

– Нравится? Это ограничители, обязательны к ношению арестованным чародеям, блокируют истечение живицы в меридиан, – физрук почему-то был весьма доволен собой. – Ну, чего встал? Бегом марш! У тебя ещё пять кругов!

Я хотел было высказать всё, что думаю о подобных методах воспитания, но не стал. Лишь зло зыркнул на веселящегося рыжего и вернулся на дорожку.

Понятно, что класс уже давно увистал далеко вперёд, а

мне бежать стало тяжелей раз в пять, хотя с виду обручи были тоненькие и весили не так уж и много. Зато это оказалось реальным доказательством, что я чародей! Иначе антимагические оковы на меня так бы не действовали, и эта мысль заставляла делать шаг, затем другой и ещё, и ещё. Потому что теперь хрен я сдамся! Надо бегать в этой пакости – буду, но жалоб от меня не дождётесь.

Когда я закончил, класс уже в полном составе был на арене для поединков. Да, там кто-то дрался, а остальные активно поддерживали бойцов криками, но сейчас мне было уже всё равно.

Доплетаясь до ближайшей лавочки, я рухнул на неё, распластавшись в позе морской звезды. Да! Это было тяжело, но я это сделал! Хорошо ещё, что обеда у нас пока не было. Пару раз меня реально выворачивало, но так как последний раз я ел вчера где-то в середине дня, блевать мне было просто нечем. Но я продолжал бежать, даже когда закончилось и второе, и третье, и сорок седьмое дыхание. Хотя, если честно, то скорее плёлся, прикладывая все усилия чтобы не упасть. Оковы реально высасывали все силы. Но... я сделал это! И пусть весь мир обломится.

– Живой? – голос моего мучителя прозвучал одновременно с возникновением чувства, будто с груди убрали бетонную плиту. – Ты гляди, даже сам дошёл. Понимаешь, почему это нужно было?

– Потому что вы маньяк и садист? – горло пересохло так,

что слова оставляли на нём кровоточащие царапины.

– Не без этого, – физрук заржал, обнажая ряд белоснежных зубов. – А ещё потому, что с вами по-другому нельзя. Недаром энергетическая система дублирует нервную. При сильных эмоциях ядро начинает бесконтрольно накачивать организм живицей, давая чародею силу, скорость и выносливость, но при этом же вполне может искалечить его, если тело мага не готово к сверхнагрузкам. Поэтому первые годы на физической подготовке все дети в обязательном порядке носят ограничители. И снимают их, лишь когда сдадут тест по контролю истечения силы из ядра.

– А мне вы решили показать на примере? – были бы силы, встал бы, да и треснул экспериментатора хренова, и плевать, что он, похоже, может вывернуть меня наизнанку одной рукой, и особо не напрягаясь. – А просто сказать было нельзя?

– А ты бы поверил? К тому же с тобой сложнее. Ольга Васильевна говорит, что у тебя запертое ядро, то есть истечение если и есть, то лишь под воздействием сверхсильных эмоций, и самостоятельно оценить его степень ты не в состоянии. Зато ты первый на моей памяти из дикарей, кто хотя бы половину дистанции в оковах пробежал. Молодец! Потенциал есть, но надо работать. Давай поднимайся, посмотрим каков ты в бою, а то мне про тебя каких-то ужасов понарасказывали...

Глава 5

Хлопнув меня по спине, усатый садист неторопливо направился к площадке для поединков. Может он, конечно, и хотел выразить этим своё отношение: держись, мол, парень, – но синяк явно будет знатный. Хорошо ещё, что спину не сломал. Одноклассники как раз взорвались бурными криками, празднуя победу кого-то над кем-то, а я, кажется, более-менее отдохнул и, хотя ноги всё ещё ныли, в остальном был в порядке. Да и интересно стало, что же там такое происходит.

– А... Э-э-э... – догнав физрука, я вдруг понял, что так и не удосужился узнать его имя.

– Грег МакПрохор, – представился великан, заметив моё затруднение, и, усмехнувшись, совершенно внезапно протянул руку. – Я родом из очень далёких отсюда мест. Из Альбиона, полиса Эдинбург.

Пришлось припомнить уроки географии, а заодно и истории. Вроде бы «Альбион» вместе с «Эрином» входили в группу Британских островов, расположенных к северу от берегов Западной Европы. Но помнилось смутно. И виной тому была вовсе не моя безграмотность, а то, что весь остальной мир называл эти земли «Англией» и «Ирландией», а основной «фишкой» этого самого «Альбиона» была непрекращающаяся веками чародейская война между полисами, ко-

торых понатыкано на острове было аж семнадцать штук.

Конечно, если сравнивать с Москвой, это были относительно небольшие поселения, но главной проблемой тех мест являлись не монстры, а, как ни странно, сами люди. Непрекращающиеся конфликты между римлянами, вельсками, англами, саксами, нормандцами, скавами, нордами, данами, пиктами, прочими шотландцами и хрен ещё знает кем, кто там жил, – вот единственное, чем испокон веков славилась Англия.

Казалось бы, клочок суши, довольно далёкий от континента, а значит, основная угроза – это духи с плана воды, в то время как остальные планы, а в особенности огня, находятся в подавленном состоянии и не особо активны. Об этом во втором классе рассказывают. О морских путешествиях можно забыть из-за кишачей у побережья нечисти. Реки с озёрами очень опасны, а любой колодец нужно проверять ежедневно, но в остальном-то – живи и радуйся! Тем более, с их-то количеством населения. Однако у этих беспокойных племён имелась просто-таки идея фикс – вырезать всех остальных и единолично владеть целым островом.

– Вы... очень хорошо говорите по-русски! Антон Каменский, – ответил я, пожимая протянутую руку. – Я чего спросить-то хотел, вот вы на меня отвлекаетесь, а там, на площадке, уже морды друг другу чистят. Разве вы не должны за ними следить?

– Хм... Спасибо, – мужчина потёр подбородок. – А по по-

воду вопроса, вот сейчас и буду следить, а что ребята размяться решили, пока мы все тебя ждали, так то их дело.

– Интересно девки пляшут... – я нахмурился. – А если покалечат друг друга?

– Антон, – рыжий покровительственно похлопал меня по плечу. – Ты, я понимаю, человек новый, пришёл фактически из другого мира, а от того такие вопросы, но, задавая их, помни, мы здесь воспитываем будущих чародеев, а не чиновников, бухгалтеров или поэтов.

– И всё же, – я упорно потрянул головой. – Объясните уж новичку.

– Ладно, – усатый усмехнулся. – Что, если я скажу тебе, что в нашей школе для учеников сильные ожоги, переломы рук, ног, рёбер да даже колото-резанные раны – пустяк, вроде насморка для обычных людей. Утрирую, конечно, но неделя в госпитале под присмотром чаровников-лекарей, и твои одноклассники – что девочки, что мальчики – снова в строю.

– Эм...

– Ха! – огромная лапища вновь опустилась на моё многострадальное плечо. – По глазам вижу, что не испугался, а просто удивился! Это хорошо! Просто пойми, Антон, теоретические знания, конечно, важны, да и отдыхать человеку нужно, однако большую часть, а то и всё своё время, тот, кто действительно хочет стать чародеем, проводит на полигонах, либо развивая свою энергосистему и работая с чарами, либо укрепляя тело и тренируя волю...

Тут мне стали понятны и горестные вздохи, и обречённый взгляд большинства одноклассников перед началом занятий.

– ...Есть, конечно, те, кто отлынивает от тренировок, предпочитая валяться на койке или гулять в городе, вместо того чтобы упорно самосовершенствоваться, – продолжал тем временем физрук. – Но такие сами зарывают свой талант и будущее в землю. Вот закончится этот год, вы перейдёте на университетский курс и там встретитесь с детьми, которые воспитывались в кланах.

– А что, у нас клановых нет? – ввинтил я интересующий меня вопрос в монолог мистера Грега.

– Есть, конечно! Просто... – с шумом втянув воздух, мужчина махнул рукой. – Не стоит тебе пока знать в чём тут различия. Иначе можешь остаться без друзей. Просто поверь, что «те» ребяташки выкладываются на двести, а то и триста процентов. И те из твоих одноклассников, кто понимает это, тоже стараются изо всех сил, чтобы не оказаться в итоге на третьих ролях. А потому госпиталь у нас не пустует.

– Ясненько... – протянул я, останавливаясь возле Шмеля и Нины.

– Так! Закончили! – рявкнул физрук, выходя на площадку. – Всем выйти за жёлтое кольцо. Первая пара фон Либтенштейн и Цимбальук! К барьеру, господа.

«А я почему-то думал, что меня позовут первым! Он же сам сказал...» – мелькнула немного обидная мысль.

Уж больно хотелось по-быстрому показать себя любимо-

го...

– А ты молодец! – шепнул мне Шмель, направляясь к преподу. – Молоток.

– Я в тебе не сомневалась! Бандит не может быть слабым! О чём с преподам разговаривали? – Не успел я ответить парню, как на меня надела красноволосая. С жутковатым блеском маньяка в глазах схватив за руку, девица потащила меня прочь от площадки, на которой остались мистер Грег, тощий парень и его толстый друг, рядом с которым тот обычно сидел.

– Э... правда... Да так... – буркнул я, поддаваясь, потому как и все остальные споро отходили подальше. – Про важность тренировок поговорили...

«Жёлтым кольцом» оказалась незамеченная мною ранее разметка в виде одиночных круглых плиток этого колера, кругом разложенная прямо на газоне.

– А-а-а... понятно, – Нина резко потеряла интерес, но затем встрепенулась. – Ставлю пять рублей на то, что Шмель побьёт Камыша!

Я чуть было не закашлялся. Пять рублей! Огромные деньги по моим меркам. Да на пять рублей в Нахаловке можно было жить с неделю почти ни в чём себе не отказывая!

– «Камыш» – этот тот толстячок? – задал я вопрос, чтобы потянуть время, в то время как моя осторожность сражалась с жадностью, требовавшей рискнуть и занять аж пять рублей.

Вот только результат поединка для меня был непредсказуем, а девчонка могла просто разводиться, чтобы по-быстрому срубить бабла на новичке. Бойцами эти двое не выглядят, а в драке вес зачастую решает, это только в сказках дрищи бугаёв с полтычка валят, но хрен их знает этих чародеев. С другой стороны, балаболка-Нинка с языком без костей не выглядит способной на подобную хитрость, и всё же...

– Ага! – кивнула красная. – Он сам говорит, что слишком стройный и красивый, чтобы иметь другое прозвище.

– Точно, прямо тростинка, – я тяжело вздохнул. – Прости, но у меня в карманах нет ни копейки, не то что рубля.

– Тогда давай на щелбан забьёмся! – безапелляционно заявила девушка. – Просто так, на интерес, не прикольно!

«Чего она от меня вообще хочет? – мысленно нахмурился я. – На “слабо”, что ли, проверить?»

– Ладно, – я пожал протянутую мне ладошку, надеясь, что от её щелчка моя голова не улетит в кругосветное путешествие.

– Готовы? – рявкнул тем временем физрук, стоя с поднятой рукой между двумя парнями, а затем резко опустил её и сразу же отпрыгнул спиной вперёд метров этак на пятнадцать. – Бой!

Борис в то же мгновение взмыл в воздух и будто раздулся, чтобы с грохотом обрушиться на то место, где только что стоял его друг. Шмель же скользнул назад, словно бы его что-то сдвинуло и, явно не доставая до соперника, пробил пря-

мой кулаком.

«Мать моя женщина! Это что такое было?!» – подумал я, глядя как рука Ульрика вытянулась метров на пять, но так и не попала в голову Камыша, который за долю секунды до удара вдруг закрутился на земле юлой и буквально кинул своё вращающееся тело в противника.

Уйти от подобного «выстрела» Ульрих не смог, и толстяк на огромной скорости врезался в него. Грудина тощего, словно резиновая, промялась вначале внутрь от прилетевшего в неё кулака, а затем вбок от врезавшейся в рёбра ноги, при том что голова и ноги моего одноклассника оставались неподвижными. А затем толстопуза отпружинило и завертело в другую сторону, но уже не по его воле.

Шмель тем временем сам набросился на противника и попытался оплести его конечностями, словно удав. Не такой уж я и дикий, и из той своей – прошлой, семейной – жизни помню посещение зоопарка, выпавшее как раз на кормление этой иноземной змеюки живым и очень агрессивным кроликом-мутантом. То ещё зрелище для мелкого пацана, от которого меня быстренько спасла мамка. Но кое-что я запомнил, и это «кое-что» было очень похоже на приём, проведённый Ульрихом.

Вот только... охватить-то собой толстяка у него получилось, а вот связать полностью – нет. А потому Камыш, сейчас похожий на вязанку дорогой колбасы в оплётке, словно бы ничего не веся, поднял себя и противника над землёй на

единственной свободной левой руке и с её же помощью подпрыгнул.

Я явственно услышал приглушённый стон Шмеля, который тот издал, когда, перевернувшись в воздухе, туша толстяка ударилась о землю и подмяла его под себя, а затем ещё раз. Ульрих хотел было отцепиться, но Борис не дал ему этого сделать, а сам в это время принялся кататься по земле. И всё же парню удалось как-то освободиться и вывернуться из пухлых ручек, оказавшихся на удивление сильными.

Вот только Камыш, крутанув очередной финт, подбил его ноги прямо под стопы и, пару раз перекувыркнувшись, словно юла, прокатился по противнику, но, получив, наконец, прямой удар пяткой в нос, прервал экзекуцию. Ульрих перетёк из лежачего положения в боевую стойку, но его слегка сдвинувшийся приятель уже подскочил и провёл серию кулачных ударов (с добивающим в виде вздувшегося пузыря, словно тараном приложившего парня), и мой первый знакомый в классе такого уже не перенёс.

– Стоп! – гаркнул физрук. – Молодцы.

– Зашибись было! – прогудел Борис, утирая кровавую юшку из носа и протягивая руку побеждённому.

– Ага... – широко улыбнулся Шмель. – Сплоховал я сегодня.

«Мля-я-я-я-я-я... – подумал я. – Пролюбил пять рублей! Хотя... чёрт! Это ж монстры какие-то! Я даже не представляю себе как с ними драться-то!»

– Антончик! – пискнуло что-то справа от меня. – Антончик...

– А? – я с удивлением посмотрел на красноволоску, которая глядела на меня огромными влажными глазёнками.

– Ты же не станешь бить девочек, ведь правда? – балаболка хлопнула носом, как мне показалось, чересчур наигранно. – Суровым бандитам это не к лицу. Может...

– Должна будешь! – буркнул я от удивления, лишь бы хоть что-то сказать, потому как это было как-то совсем неожиданно, очень мило... и глупо!

– Ура! – на меня налетели, обняли за шею и поцеловали в щёку! – Прямо настоящий «бугор»! В первый же день обложил красавицу долгом!

– Э-э-э....

– Нина, немедленно перестань! – подскочила к нам девочка в очках и, схватив подругу, оттянула её от меня, зашипев: – Я же тебе сказала, держаться от него подальше! О нём такие ужасы рассказывают...

– Звёздная и... – громогласный голос физрука заглушил ответ Нины, – Николич! К барьеру.

На площадку вышла та самая высокая тёмноволосая красавица, кажется, Лина, которая вместе с Дарьей помогала Ольге Васильевне в моём обследовании, и синеволосый парень, проспавший весь урок у Мистериона. Сохраняя на лице выражение «что я здесь забыл?», парень лениво потянулся, с хрустом расправив плечи, зевнул и, засунув руки в кар-

маны, обратился-таки внимание на свою противницу.

– Линка, – тяжело вздохнув, произнёс он.

– Борислав? – ответила ему девушка, изогнув бровку.

– Линка, а давай ты сейчас просто сдашься и не будешь тратить ни своё, ни моё время?

– И чем же, Боренька, ты таким занят, что не можешь уделить всего пару минут своей давней подруге? – ехидно спросила девица.

– Занимаюсь важным делом – отдыхаю и сохраняю энергию, – пожал плечами синеволосый. – А то вдруг нагрянут Чумбалюки, а я уставший. И как мне им мстить, прикажешь, в таких условиях? Так что это... давай сдавайся...

– И не подумаю! – гордо фыркнула тёмноволосая. – И вообще, ты бы определился уже, кому ты мстить собираешься! А то у тебя то Цибулькины, то Сергейчуки, то вот какие-то Чумбалюки появились! Да и вообще, нет в Киеве такого клана!

– Да какая разница! – поморщился Борислав. – Все они одна шайка-лейка.

– О чём это они? – шепнул я стоявшему рядом Шмелю, как и я наблюдавшему эту сцену.

– А, забей, – отмахнулся парень. – Там у них давняя история.

– Николич – потомок небольшого клана чародеев из полиса Белград, – тут же с умным видом зашебетала Нинка. – Подробностей я не знаю, но вроде как их всех уничтожили,

и только ещё мелкий Борислав со старшей сестрой смогли бежать в Москву. А спустя пару лет Николич-старшая, говорят, узнала, кто виноват в той трагедии, собралась и уехала из полиса. И её больше никто и никогда не видел. Известно только, что она покупала билеты у перевозчиков на поезд в Киев. Теперь Борислав намеревается им всем отомстить! А с Алиной они до школы знакомы были. Вот!

Красноволосая девушка выпалила это так быстро как могла, превзойдя себя прежнюю, и даже под конец запыхалась.

– Да фигня это всё! Бориска просто взял себе такой мрачный образ, чтобы девчонок клеить, а Линка банально ревнует, – поморщился Ульрих. – Из этой ленивой сербской задницы мститель, как из меня балерина.

– Так! Молодёжь, заканчиваем ля-ля! – рявкнул физрук, обрывая пререкания и взаимные подколки между парочкой на площадке. – Флиртовать будете после уроков, на свидании. Приготовиться!

Девушка почти сразу же приняла стойку, чем-то похожую на те, которые используются в кикбоксинге. Пространство вокруг неё как-то посерело, словно кто-то открутил контрастность, так что даже ярко-красная лента, которой она подвязала волосы, стала бледно-сиреневого цвета.

В отличие от противницы, Борислав только тяжело вздохнул, покачал головой и прошептал: «Да чтоб вас...» – но даже рук из карманов не вынул. А затем топнул – и из-под земли тут же выскочили две абсолютно голые девушки свет-

ло-серого цвета.

Причём обе до боли напоминали наших одноклассниц: одна – его нынешнюю противницу, а вторая – очкастую подружку Нины. Последняя тут же издала режущий уши визг и, побагровев, словно перезрелый помидор, вцепилась в руку незнакомого мне пока парня, который очень многообещающе сверкал глазами в сторону синеволосого.

– Борислав! – тут же возмущённо воскликнула мгновенно раскрасневшаяся Лина. – Немедленно прекрати эту порнографию! Я тебе уже сколько раз говорила, что это неприлично...

– Николич... – глухо, но с ощутимой угрозой прорычал мистер Грег. – Хочешь пару раундов со мной провести? Так я тебе это быстро устрою!

– Да ладно-ладно... – недовольно пробухтел парень и опять топнул, отчего анатомические подробности мгновенно рассеялись дымкой. – Тоже мне, поборники морали. В музее как будто не были. Не понимаете вы душу художника.

– Вот вечно ты меня позоришь! – шипела тем временем чёрноволосая, потихоньку закипая, словно чайник, и очень наглядно разминая кулаки. – Гад! Сволочь! Подонок...

– Опять быть сегодня Борьке битым... – прокомментировал Шмель, а затем пояснил мне: – Это он Линку целенаправленно из себя выводит.

– Мазохист, что ль? – удивился я, наблюдая, как воздух вокруг уже откровенно взбешённой девушки заполняет пер-

возданная тьма, проглатывая её фигуру.

– Да нет, – усмехнулся парень. – Просто ему в госпитале отлёживаться нравится, говорит, там спокойно и люди добрые. Та же Алина его сейчас покалечит, а потом будет носиться со своим «Боренькой», как наседка с яйцами, и извиняться каждые пять минут.

– Бой! – гаркнул физрук, резко отпрыгивая назад.

И очень вовремя. Тьма, словно жидкость, выплеснувшись из прорванного резервуара, неровной кляксой затопила часть площадки, а через мгновение вылетевшая из неё стройная ножка в тренировочном берце с силой обрушилась на голову не успевшей заблокировать удар куклы. И тут словно кто-то плеснул на холст чёрной краской, неровная клякса «прилипла» к отлетевшей в сторону серой девушке.

Копия очкастой тем временем ринулась вперёд прямо в «облако» к одной ей видимой цели, подпрыгнула и врезалась в кажущуюся такой объёмной и вместе с тем аморфной темноту.

– Гад... – пискнула Нинка, залившись румянцем, потому как Борислав вовсе не стоял на месте, а, не вынимая рук из карманов, отпрыгнул от метнувшегося к нему тёмного протуберанца, из которого вдруг вылетел кулачок Лины.

Вот только по парню он не попал, потому как за мгновение до этого его заблокировала абсолютно голенькая копия красноволосой, а затем резко саданула в темноту левосторонним маваши-гери, да к тому же весьма удачно, судя по раздавше-

муся из отшатнувшегося облака болезненному вскрику.

Только я этого уже не видел, потому как, стоило объявиться её голопопому клону, кое-кто набросился на меня, пытаюсь прикрыть ладошкой глаза. Почему именно мне – без понятия, но копию или авторское переосмысление самого сокровенного, что имелось у Нины, я так и не разглядел, а когда смог освободиться, заметил только развеявшийся кусок тьмы и Алину, яростно нападающую на серую очкастую девушку, пытаюсь прорваться к спокойно ожидающемуся её Бориславу. Кстати, так и не вынувшему руки из карманов штанов.

Две другие куклы уже были побеждены и дымными силуэтами медленно развеивались в воздухе, что вскоре случилось и с третьей. Чёрноволосая смогла подловить её на ударе и, захватив руками шею, с силой вонзила колено в живот, породив очередную тёмную кляксу, щупальца которой тут же протянулись к парню, а через мгновение она вдруг вышла из облака прямо перед противником, проведя жёсткую кулачную серию в голову.

Вот тут-то Борислав и показал, что может не только стоять и наблюдать за тем, как дерутся его куклы, но и сам довольно неплохо владеет классическим карате. Впрочем, глядя на его движения, я вдруг понял, что они мало чем отличаются от того, что показывали только что копии голеньких девушек. А потому пришёл к выводу, что это был именно его стиль, и, скорее всего, он же сам и управлял ими всё это время.

– А почему он новых марионеток не делает? – спросил я у Шмеля, так как надувшаяся Нина, которой так и не удалось полностью закрыть мне глаза, похоже на меня обиделась.

– Борислав владеет аспектом «дыма», – задумчиво потирая подбородок, произнёс Ульрих, глядя, как Лина, используя нечто похожее на муай-тай, молотит успешно сопротивляющегося парня, постепенно окутывая его тьмой, – но так как создаваемые им образы материальны, не может воспроизводить своих кукол слишком уж часто.

– Подожди, – я, честно говоря, слегка заволновался. – То есть в этих поединках используются чары?

– Нет, – отрицательно покачал головой одноклассник. – Это именно что обычная рукопашка. Никакой магии.

– Ага, – я скептически хмыкнул. – Ну совсем никакой! Обычные люди ведь тоже так могут. Руку на пять метров вытянуть – да без проблем. Мир в темноту погрузить – вообще не вопрос. А уж голых девушек настрогать...

Я заткнулся, виском почувствовав возмущённый взгляд Нинки.

– Ну... я про то, что всё это – «эго» – «внутреннее» отражение аспекта. Можно сказать, особые свойства наших тел, для применения которых не нужны ручные печати. Важен только контроль живицы.

– Слушай, я, может, и валенок со дна, и в чародействе не шарю, – стало обидно, что меня тут за дурака держат. – Но лапшу вешать не надо. Простейшая логика говорит, что со-

творение копии, неважно из чего, «внутренним использованием» быть не может.

– Но это правда! – красноволосая возмущённо вскинулась.

– Не совсем, – вклинился в разговор толстый Борис, до этого молча слушавший наши препирания и следивший за боем. – Антон прав, по факту, это жульничество. Слав не зря держит руки в карманах. Скрывает фигуры создания. Но дело в том, что мы на это уже внимания не обращаем, потому как без своих девок он чуть сильнее обычного человека.

– Тц... Угу, вот мы и уговорились считать их уравниателем нашим «внутренним» силам. – Ульрих не стал отпираться. – Или же сражаться совсем без живицы. Но так скучно.

– Да я смотрю, ему и так не особо весело, – я кинул взгляд на синеволового, нещадно избиваемого, несмотря на все попытки сопротивляться.

– Да он больше выпендривается, – Борис пожал плечами, ничуть не сочувствуя тётке. – Ты почему, думаешь, Слав такой ленивый?

– Хрен его знает... – даже не попытался угадать я. – Родился таким.

– Ну, про «родился»-то верно, – усмехнулся Шмель. – А вообще всё проще: у него шесть запасных рук. В то время как он на диване валяется, дымные куклы за него всю работу делают. А если он задницу соблаговолит, наконец, отодрать – то ещё одна пара добавится.

– Просто он долбаный извращенец! – буркнула всё ещё красная под цвет своих волос Нина. – Я ему в общагу домашнее задание вызвалась отнести, когда он с простудой слёг, так меня там три голых дымных девки, копии тогдашних выпускниц, встретили! И чего в нём Алина нашла...

– Ну, что извращенец – факт известный, – серьёзно кивнул Ульрих. – Девушки от его вуайеризма регулярно страдают. Да и парни не раз и не два собирались идти бить Николаича. Только силён, чертяка, ты не смотри, что его сейчас Линка так дубасит – она единственная, кому «можно». О, всё! Пипец котёнку.

– Жесть какая-то, – пробормотал я, глядя как из начавшей развеиваться тьмы вываливается поломанное тело Николаича.

«Я вообще с этими монстрами рядом встать могу? Или просто самоуверенная блоха?» – мелькнула позорная мысль.

– Да, – хлопнул меня по плечу Шмель. – Выглядит, конечно, не очень, но не бойсь. Неделька в госпитале – и будет как новенький!

– Я не про то, я об увлечениях «пациента»... – нагло соврал я, потому как на самом деле комментарий мой относился именно к окровавленной фигуре с переломанными костями, которую сейчас укладывали на носилки два прибежавших откуда-то медика, а рядом сидела и рыдала навзрыд только что самолично искалечившая парня Алина.

– А, это да...

– И часто тут «такое»? – поинтересовался я, взглядом провожая «победительницу», которую быстренько уводили куда-то две незнакомые мне пока что одноклассницы.

– Ну... конкретно такой цирк – только когда Линку с Бориславом в пару ставят, – пожал плечами Ульрих. – А их обычно вместе стараются не вызывать, потому как финал всем известен. Ну, ты сам только что видел – Николич доводит Звёздную до ручки, а затем пафосно и благородно сливает бой. В общем, у них странные отношения, так что я не совсем понимаю, за коим лядом МакПрохор выставил их сегодня друг против друга...

«Меня, небось, хотел впечатлить, – мысленно ответил я. – Чтобы не расслаблялся...»

– Так! Успокоились! – рыкнул физрук, привлекая всеобщее внимание и, сверившись со списком, поставил там какую-то галочку. – Так, новенький, Каменский – на выход. Посмотрим, чего ты там такое умеешь. А против тебя поставим...

– Можно я? – Вот почему я ни разу не удивился, услышав знакомый голос, а затем и увидев беловолосое чудовище с поднятой рукой?

– Хм... Светлова? – препод с сомнением посмотрел на девицу, но затем, кивнув своим мыслям, уже уверенно повторил: – Светлова. Раз сама вызвалась. Каменский против Светловой. К барьеру, дамы и господа.

– И чего она ко мне примоталась... – буркнул я, поймав

заинтересованные взгляды как Нины, так и Шмеля, и поплёлся к центру площадки.

– Светлова, – прогудел физрук, подойдя к нам поближе. – Каменский у нас новичок, да к тому же практически нетренирован, так что давай-ка полегче.

Здесь бы мне возмутиться, мол, как это нетренирован?! Но я промолчал. Всё-таки после кросса в десять кругов вокруг школы и увиденного в первых двух спаррингах, моя самооценка в значительной мере упала.

А ведь вчера в летуне я не шибко-то поверил «пиджакам», что здесь меня кто-то может в блин раскатать. Чары чарами, но я всё же ожидал встретить нечто похожее на свой старый класс в школе до детского дома. А то и вовсе толпу изнеженных домашних детишек, что бы там директор ни заливал на тему того, что чародеи – щиты человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.